

Джеймс Хэдли
Чейз

ОН СВОЕ
ПОЛУЧИТ

Джеймс Хедли Чейз

Он свое получит

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118727

*Джеймс Хэдли Чейз Он свое получит: Эксмо;
ISBN 978-5-389-16387-4*

Аннотация

За полвека писательской деятельности британский автор детективов Рене Брабазон Реймонд (1906–1985) опубликовал около девяноста криминальных романов и сменил несколько творческих псевдонимов. Самый прославленный из них – Джеймс Хэдли Чейз. «Я, как ищейка, беру след и чую, чего хочет читатель. И что он купит» – так мэтр объяснял успех своих романов, охотно раскрывая золотиносный секрет: читателей привлекают «действие и ритм». В XX веке не осталось места неспешным старомодным историям, в которых эксцентричный сыщик расследует загадочное убийство аристократа в декорациях уютного загородного особняка; по законам нового времени детектив пускает в ход револьвер едва ли не чаще, чем дедукцию.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	49
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Джеймс Хэдли Чейз

Он свое получит

James Hadley Chase

YOU'VE GOT IT COMING

Copyright © Hervey Raymond, 1955

All rights reserved

КЛАССИКА

и
л

ДЕТЕКТИВА

Серия «Иностранная литература. Классика детектива»

© Н. В. Рейн (наследник), перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство Иностранка®

* * *

Глава первая

I

Лишь только он вошел в комнату, в ту же секунду она поняла: что-то случилось.

Бросив ровным, невыразительным голосом: «Привет, детка», он, даже не взглянув на нее, снял шляпу и плащ, швырнул их на диван, подошел к камину и опустился в кресло. Мертвенно-бледное его лицо словно окаменело, а отсутствующее выражение глаз сделало совсем чужим, не похожим на самого себя.

За все шесть месяцев, что они были вместе, она никогда не видела его в таком состоянии. И в голову пришло единственное объяснение: он собирается ее бросить.

Неделями она задавала себе один и тот же вопрос: сколько это еще продлится? Не то чтобы она замечала, что наскучила ему, совсем нет. Просто это был девятый мужчина в ее жизни, и она не сомневалась, что рано или поздно снова останется одна, потому что давно уже не строила иллюзий относительно своих взаимоотношений с мужчинами. Ей было тридцать два, и жизнь, которую ей довелось прожить, унесла почти весь блеск ее молодости и красоты. Од-

нажды, как ей теперь казалось, невероятно давно, она получила второй приз на конкурсе «Мисс Америка – 1947», обладая она тогда нынешним опытом, то разыграла бы совсем иную партию с теми двумя членами жюри и была бы первой, а не второй. Она прошла неизбежные кинопробы и играла второстепенные ролики во второсортных картинах у режиссера Солли Ловенстейна. Возможно, она повела себя с Солли чересчур уступчиво. Надеялась, что тот будет продвигать ее в кино, стоит ей уступить, однако вышло все наоборот. Через несколько месяцев он потерял к ней всякий интерес, и, словно по его сигналу, кинокомпания тоже. После Голливуда какое-то время работала манекенщицей, потом устроилась барменшей в ночной клуб. Именно здесь, в «Эльдорадо», познакомилась с Беном Делани. Последующие год и два месяца стали пиком ее жизни. Она путешествовала с Беном по Европе, ходила с ним на вечеринки и приемы в Нью-Йорке, плавала в синей морской воде в Майами, каталась на лыжах в Швейцарии. Их связь тянулась так долго, что ей стало казаться: вот оно настоящее. Но в конце концов он остыл и бросил ее.

Она не видела Бена уже два года, но часто вспоминала о нем, узнавала о его успехах из газет и мечтала снова подцепить его на крючок. После Бена в ее жизни были мужчины, но все они казались какими-то бесплотными тенями, не оставлявшими ни малейшего следа в ее памяти. И вот, когда она почти уже дошла до ручки, вконец опустилась, обнища-

ла, продала все меха и драгоценности, подаренные Беном, в ее жизнь ворвался Гарри Гриффин.

Гарри, пилот гражданской авиации, работал в «Калифорниэн эйр транспорт корпорейшн» и летал на линии Лос-Анджелес – Сан-Франциско. Он был на четыре года моложе. Его лихая и бесшабашная манера держаться, его вид, словно говоривший окружающим: «Лично я плевать хотел на все, почему бы и вам не наплевать тоже», казались ей неотразимыми. Высокий и крупный, он был сложен, как тяжелоатлет. Беззаботный и разгульный характер, внешнее обаяние, живой, вспыльчивый, но отходчивый нрав – именно эти качества она ценила в мужчине превыше всего.

Она зашла в ночной клуб узнать, не найдется ли там для нее работы, и столкнулась с ним лицом к лицу сразу после того, как получила краткий и грубый отказ от управляющего. Позднее, вспоминая об этом, она благословляла царивший в коридоре полумрак, потому что выглядела тогда под стать своему состоянию – измученной, старой и никому не нужной.

Гарри стоял, решительно преградив ей путь, красивое и мрачное лицо освещала ухмылка, а в глазах она с удивлением заметила азартный охотничий блеск, который уже не надеялась увидеть во взоре мужчины, обращенном на нее.

– Составьте мне компанию, – произнес он. – Вы именно та девушка, которую я мечтал встретить со дня окончания колледжа!

Он повел ее обедать. Каким-то невероятным образом ей удалось быть веселой, милой и остроумной. Потом он пошел провожать. Она ожидала, что сейчас Гарри напросится в гости, и восприняла его вопрос: «Может, сходим послезавтра еще куда-нибудь пообедать?» – как вежливое «прощай». Ей так не хотелось терять его, что она спросила: «Может, зайдете что-нибудь выпить?» Но он усмехнулся и покачал головой: «Очень хотелось бы, но сегодня я на дежурстве. Не занимайте послезавтрашний вечер. Я за вами заеду».

Она не надеялась увидеть его снова, однако через день он заехал около восьми часов вечера, и они отправились обедать. В ту же ночь они стали любовниками, и с тех пор через день он заезжал за ней и они шли куда-нибудь в город или оставались дома, сидели у камина и болтали, а потом занимались любовью. И так в течение полугода, вплоть до сегодняшнего вечера, когда не успел он войти, как она поняла: что-то случилось.

«Вот оно, – подумала она, когда он поднялся, чтобы повесить плащ. – Так я и знала. Все это было слишком хорошо, чтобы тянуться долго. Что ж, по крайней мере у него хватило приличия, чтобы зайти и сказать мне». Она подошла к столу, вынула сигарету из коробки и, закуривая, заметила, как дрожит рука.

– Ты что-то сегодня рано, Гарри, – произнесла она и искоса взглянула на него.

Лениво развалиясь в кресле, он хмуро смотрел в камин.

Густые темные брови насуплены, на лбу блестят мелкие капельки пота.

– Угу, – сказал он, не глядя в ее сторону.

Она выждала с минуту, потом спросила тихо:

– Что-то случилось?

– С чего ты взяла? – сердито ответил он. – Дай-ка мне лучше выпить. Хочу надраться как следует.

Она подошла к буфету, где хранилась бутылка виски. Бутылка была на три четверти пуста. «Конечно, должен же он выпить для храбрости, прежде чем выложить эту новость мне».

Она подошла к камину и протянула ему стаканчик.

– Это все, что есть. Кончилась выпивка. – Она присела рядом. – Как назло.

– Ну так устроим вылазку, рейд по барам. – Одним махом он осушил стаканчик и поставил его на стол. – Но только мне придется занять у тебя денег, Глория. Я без гроша. Последний доллар истратил на такси, чтобы добраться сюда. Что-нибудь наскребешь?

Глория взяла сумочку, вынула кошелек. Руки дрожали так сильно, что ей с трудом удалось расстегнуть его. Она достала два доллара и несколько центов и протянула ему:

– Это все. Больше у меня нет.

Он удивленно уставился на нее:

– Но ведь можно получить по чековой книжке. Есть поблизости банк?

– У меня уже давным-давно нет никаких сбережений, – сказала она, с трудом выдавив улыбку. – Не ты один сидишь без гроша, Гарри.

Он скорчил гримасу, потом взял пачку сигарет, выбил одну щелчком и закурил.

– Ладно, это еще не трагедия. – Он усмехнулся. – Мы оба на мели. Ну и что с того?

Она бросила на него беглый взгляд. Если это действительно начало конца, то такого в ее практике еще не было.

– Что случилось, Гарри? Почему ты без денег? У тебя неприятности?

– Неприятности... Мягко сказано! – Улыбка его угасла. – Идем. Я заложу часы. Надраться в лоскуты – это все, что мне остается сегодня.

– Ради бога, скажи! Я хочу знать, что случилось.

Он помолчал с минуту, потом пожал плечами.

– Я потерял работу. Вот что случилось. Попросту говоря, меня вышвырнули... Ладно, признаю, я сам нарвался. Но мне от этого не легче. Худо то, что как раз завтра – день выплат, а мне ничего не светит.

– Ты потерял работу... – произнесла она, и по спине у нее пробежал холодок. – Но, Гарри...

– Я все понимаю. – Он провел рукой по волосам. – Я понимаю, и нечего мне говорить... Такое дело... Откуда мне было знать, что сам старый хрыч полетит этим рейсом? Я его ни разу в глаза не видел. Подумать только – устроить прове-

рочную поездку, шпионить за нами! Это только лишний раз доказывает, какая он мерзкая, вонючая крыса!

– Какой хрыч?

– Босс. Президент «Калифорниэн эйр транспорт корпорейшн», – нетерпеливо воскликнул Гарри. – Откуда мне было знать, что он пролез на борт и затаился там, в хвосте, как раз когда я... – Он замолк и испытующе посмотрел ей в глаза. – Глори, я думаю, ты должна знать все в деталях. Они довольно противные, но ты и я... Мы неплохо ладили все это время. И если не тебе рассказать все как на духу, то кому же еще?..

– Надеюсь, ты и вправду так думаешь, – сказала она, и ей захотелось плакать.

Гарри наклонился и положил свою крупную ладонь ей на запястье.

– Ну, ясное дело... Не знаю, как ты, Глори, но мне думается, нам было совсем неплохо вдвоем. Ты была добра ко мне. Я готов набить себе морду за свою тупость. Уж слишком меня занесло. Думаю, ты знаешь, как чувствует себя мужчина, связанный разными там обязательствами по рукам и ногам. А мне как раз и нравилось в тебе... Ну, что ты просто была рядом. Понимаешь, о чем я говорю?

«Да, я была просто рядом, – с горечью подумала Глория. – И я знаю, как чувствует себя мужчина, связанный чувством долга. Лучше бы не знать...»

– Так что же, Гарри?

– Да, так вот... – Он похлопал ее по руке и нахмурился снова. – Эта стюардесса... Последние три рейса она прямо-таки раздавала мне авансы. Прелесть девчонка: светленькая, чистенькая – одно слово, куколка. И мне вдруг подумалось: а почему бы не... Ты прекрасно знаешь весь этот расклад. И у меня еще хватило ума притащить на борт пинту, к которой я пару раз приложился. Потом попросил Тома сесть за штурвал, а сам пошел в хвост. И в самый интересный момент там возник этот лысый ястреб, прямо как дух отца Гамлета! Боже! Я думал, у него башка оторвется, так он вопил. Он насилу дождался, пока мы приземлимся, и тут же вышвырнул меня вон.

«Стюардесса... Прелесть девчонка... Хорошенькая, как куколка», – в ее ушах звучали только эти слова. Все же ей удалось изобразить нечто вроде сочувственной улыбки.

– Не повезло... Жаль. Мне очень жаль... – Она пыталась сдержаться, но не смогла: – А эта девушка? Она и ты...

Гарри замотал головой:

– Да господь с тобой! Она же еще совсем дитя! Понять не могу, о чем я тогда думал! Знаешь, как это бывает: завелся, да еще и выпил лишку... – Он провел рукой по волосам. – Да я придушить ее сейчас готов! Не строй она мне глазки, не был бы я теперь безработным!

Глория глубоко вздохнула. Ей стало немного смешно.

– Ты подыщешь другую работу, Гарри. Это еще не конец света.

Он резко вскочил и нервно заходил по комнате.

– Это именно конец света. Конец всему. Потому что моя жизнь – это авиация. Единственное, на что мне не наплевать, единственное дело, в котором я чего-нибудь стою. А уж старик обязательно позаботится, чтобы меня на пушечный выстрел не подпустили к летному полю. Он крупная шишка в этом мире и сил не пожалеет, чтобы облить меня грязью с головы до ног. Конечно, я могу найти какую-нибудь другую работу, но давай смотреть правде в глаза – настоящей моей карьере конец! Раз и навсегда!

– Нет, Гарри! Ты обязательно найдешь приличную работу. Ведь ты такой энергичный, умный! Быть командиром корабля, конечно, хорошо, но какие тут перспективы? Пройдет не так много времени – и тебя уволят по возрасту.

«Кто бы говорил о возрасте», – мелькнула горестная мысль. Но она продолжала:

– А может, это и к лучшему, как знать. Ты еще молод, ты можешь начать...

Тут она увидела выражение его глаз, и голос ее угас.

– Прекрати, Глори! Много ты в этом понимаешь!

Она тут же поняла, что допустила ошибку, – не стоило вторгаться в те сферы, которые затрагивали самые сокровенные струны его души.

– Ты прав, – сказала она. – Я и своей-то жизнью распорядилась нелучшим образом, а тебя поучаю... Прости.

Он вдавил окурок в пепельницу и тут же взял новую си-

гарету.

– Ладно, проехали. – Гарри подошел и сел рядом с ней на диван. – Я сам напросился. Даже старую вонючку винить не имею права. Что ему оставалось делать? Надо быть последним идиотом, чтобы клюнуть на эту белую мышь! И от этого страдаешь ты, Глори. Не будет больше ни обедов, ни походов в кино. Наверное, ты должна указать мне на дверь. Что теперь от меня толку!

Сердце ее сжалось. Вероятно, он все же хочет избавиться от нее и выдумал всю эту историю, чтобы легче было расстаться.

– Нисколько я не страдаю, – ответила она. – Мне нужен ты сам, а не твои обеды и кино.

Он усмехнулся, но она видела, что ему приятно слышать все это.

– Когда ты смотришь на меня такими глазами, я почти готов верить тебе...

– Ты должен мне верить! – Она встала, закурила сигарету. «Не стоит выдавать свои чувства, это может отпугнуть его»... И, после паузы, продолжала: – Говорят, что вдвоем жить дешевле, чем поодиночке. Хочешь переехать ко мне, Гарри? – Она ждала ответа, и сердце бешено колотилось. «Он откажется, конечно же откажется...»

– Переехать к тебе? Ты что, серьезно? – спросил он в недоумении. – А я как раз подумывал, что не мешало бы подыскать жилье подешевле. Теперь я не смогу снимать такую до-

рогую квартиру, как прежде. Ты действительно хочешь, чтобы я к тебе переехал?

– Конечно. Почему бы нет? – Она отвернулась, чтобы он не видел, как слезы застилают ей глаза. Даже теперь, без денег, без работы, без всяких перспектив, он был для нее дороже и нужней всего на свете.

– Ну, не знаю... – протянул Гарри и потер подбородок. – Люди подумают, что я живу за твой счет. И потом: не будем ли мы действовать друг другу на нервы? Я вовсе не ангел, и со мной не так-то просто ладить. Ты уверена, что хочешь этого?

– Да.

Он никак не мог понять, почему так дрожат ее плечи. Потом подошел и посмотрел в глаза:

– Э-э-э, Глори... Да ты никак плачешь? Чего ты плачешь?

– Сама не знаю, – сказала она, высвободилась из его объятий и достала платок. – Наверное, потому, что мне больно, когда у тебя неприятности, Гарри. – Она взяла себя в руки и улыбнулась. – Ну так что, переезжаешь?

– Да. Ты очень добра ко мне, Глори. Я найду работу. Что-нибудь да найду, чтобы нам хватало на жизнь... Слушай, может, мне прямо сейчас поехать к себе и собрать вещи? Ничего, если я перееду прямо сегодня?

– Конечно. – Она обвила руками его шею. – Я так рада, Гарри! Я еду с тобой. Я мастак складывать вещи. А потом мы заложим что-нибудь и отметим это событие, о'кей?

– Будь спокойна! – Он улыбнулся. – Я уже вижу, как мы живем с тобой вдвоем. Нам будет хорошо, детка, увидишь.

II

Неделю спустя в начале девятого утра Глория вышла из ванной в спальню, где спал Гарри. Она старалась двигаться как можно тише, чтобы не разбудить его. Присела на пуфик перед трюмо и стала расчесывать волосы.

«Только когда живешь с человеком вместе, начинаешь узнавать его по-настоящему», – размышляла она, глядя на отражение Гарри в зеркале. Эксперимент с переездом превзошел все ожидания, однако сам Гарри беспокоил ее. Он уверял, что подыщет работу, чтобы вдвоем было на что жить, однако, похоже, вовсе не собирался ничего искать. Это ей удалось устроиться маникюршей в отель «Звезда» в двух кварталах от дома. Она получала там не больше пятнадцати-двадцати долларов в неделю, но все лучше, чем ничего.

Ей хотелось, чтобы Гарри занялся поисками работы более серьезно. Он редко поднимался с постели раньше одиннадцати и всю первую половину дня просиживал в кресле с карандашом и газетой в руках, изучая объявления по найму. Отмечал два или три и во второй половине дня выходил посмотреть, что предлагают. Возвращался после шести, сердитый и угрюмый, и говорил, что не собирается вкалывать за какие-то несчастные тридцать долларов в неделю.

– Стоит поступить на какую-нибудь работу, Глори, – говорил он ей, – и ты пропал. У тебя сразу появляется психология тридцатидолларового человечка. Я заслуживаю лучшей участи.

Но она знала, что это просто отговорки. Теперь она понимала, что авиация была для него всем и он никак не может заставить себя поступить на работу, которая лишила бы его последнего шанса вернуться на летное поле.

Но еще больше не нравились ей его отношения с местными лавочниками. «Он поступает почти как жулик, как бесчестный человек», – с тревогой думала она. Он не зарабатывал ни цента, однако каждую пятницу, возвратившись из отеля домой, она обнаруживала на кухонном столе пакет, полный разной снеди, мяса на целую неделю и две неперменные бутылки виски.

– Но, Гарри, нельзя же до бесконечности набирать в долг! – протестовала она. – Кто будет оплачивать счета? Ведь рано или поздно придется платить.

Он смеялся.

– Пусть я неудачник по части поисков работы, зато настоящий гений по части выколачивания товара в кредит! Если эти простаки запросто выдают продукты, нам-то чего беспокоиться? Они пребывают в уверенности, что я единственный наследник богатого дядюшки, который вот-вот отдаст концы. Я сказал им, что дядюшка тянет на сорок тысяч и практически все наследство отойдет ко мне. Если они такие

дураки, что верят этой байке, мне что за дело? И потом, я не собираюсь жить за твой счет. Ты платишь за квартиру, я приношу еду. Пока это все, чем я могу помочь.

Ее беспокоило также и то, что он часто бывал угрюмым и молчаливым. Потом сообразила: периоды депрессии совпадали с днями его рейсов. С теми днями, когда он выводил самолет на взлетную полосу и вел его в Сан-Франциско. Она догадывалась, как Гарри скучает и по своей «птичке», и по ребятам, с которыми летал, хотя сам он никогда не говорил ей об этом.

Глория попыталась уговорить его сходить на аэродром и повидаться с ребятами.

– Никогда! – воскликнул он и весь вспыхнул. – Ребята уважали меня. Теперь они наверняка считают меня полным дерьмом. Нет, им неохота со мной встречаться. Уверен.

Она отложила щетку, встала и сняла халат. Потом скользнула в платье и, когда стала застегивать крючки, почувствовала на себе взгляд Гарри. Она улыбнулась:

– Принести тебе кофе? У меня еще есть время.

– Нет, спасибо. Встану и сварю себе сам, попозже. – Он потянулся за сигаретой и медленно сел. – Знаешь, Глори, я все глядел на тебя, пока ты расчесывала волосы. Похоже, жизнь со мной пошла тебе на пользу. – Он усмехнулся. – Ты выглядишь моложе, красивее, счастливее. На тебя и посмотреть сейчас приятно.

Она знала: он говорит правду. Она действительно чув-

ствовала себя счастливее и моложе, но могла быть еще счастливее, если бы в его душе воцарился мир и покой. И она подумала: «Вот сейчас самый подходящий момент поговорить».

– Я бы очень хотела сказать то же самое о тебе, Гарри. Но ты не выглядишь счастливым. И это меня огорчает.

Он отвел глаза:

– Нашла из-за чего огорчаться. Ничего, скоро войду в норму. Все утрясется.

Она присела на край кровати, поближе к нему.

– Думаю, если ты в самом скором времени не устроишься на работу, тебе все опротивеет, и прежде всего мой вид.

– Не болтай ерунды. Уж что-что, а твой вид мне никогда не опротивеет. – Он задумчиво посмотрел на нее, словно решая, стоит говорить дальше или нет, потом спросил: – Скажи, ты не против махнуть со мной в Париж, Лондон и Рим?

– О-о, Гарри, я и мечтать об этом не смею... – растерянно сказала она. – Это было бы чудесно, но какое отношение имеют к нам Париж, Лондон и Рим, скажи на милость?

– А ты не против иметь миллион долларов? – спросил он и сжал ее запястье.

– Конечно не против. А тебе не хотелось бы стать президентом Соединенных Штатов? – парировала Глория и усмехнулась. Усмешка получилась вымученной. Она подметила в его глазах странное выражение и почему-то испугалась.

– Я серьезно, Глори. Это вовсе не шутки. Я знаю, где и как

можно раздобыть три миллиона долларов. Найти бы еще помощников, чтобы повернуть это дельце, и считай, что миллион чистыми у меня в кармане, если не больше.

– Но, милый...

– О'кей, все в порядке. Что ты смотришь на меня с таким ужасом? Слушай, Глори, я уже сыт по горло поисками этой проклятой работы. Ты права: командир корабля – это не предел мечтаний. Весь мир делится на дошлых парней, которые умеют обтяпывать делишки и богатеют, и простаков, которым суждено прозябать в бедности. Я слишком долго был таким простаком, настала пора меняться. Я знаю, как займешь три миллиона долларов, и буду их иметь!

Она почувствовала, что кровь отливает от лица.

– Где, как? Что ты болтаешь?

Он откинулся на подушки и пристально, с прищуром взглянул на нее:

– Давай начистоту, Глори. Ты была добра ко мне. Я многим тебе обязан. Ты единственная, кому я могу довериться и на кого могу положиться. Если удастся повернуть это дельце, можешь рассчитывать на часть прибыли. Я вовсе не собираюсь пускаться в авантюру. Будь уверена, все пойдет как по маслу. И пальцем не шевельну, пока не обмозгую все, до последней детали. Мне неохота вовлекать тебя в эту историю, особенно после всего, что ты для меня сделала. В общих чертах план уже разработан. Остались две проблемы. Если придумаю, как их решить, мы будем с тобой обеспече-

ны на всю оставшуюся жизнь.

– Гарри, милый... – пролепетала она еле слышно, сердце бешено колотилось. – Я не понимаю, о чем ты. Прости за тупость, но не понимаю.

– Конечно не понимаешь. – Он покровительственно хлопал ее по руке. – Сейчас объясню, только ты должна дать слово, что все это останется между нами.

Она вдруг почувствовала легкое головокружение и дурноту.

– Надеюсь, ты не собираешься делать ничего противозаконного, чтобы потом полиция...

Его густые брови сердито сошлись на переносице, а глаза приобрели угрюмое и злое выражение, столь хорошо знакомое ей в последнее время.

– Ладно, забудем все это, – нетерпеливо произнес он. – Да и времени нет заниматься трепотней. Давай одевайся, а то опоздаешь на службу. – Он вскочил с кровати, сбросив ее руку со своей. – Иду варить кофе. – И исчез на кухне.

Еще долго она неподвижно сидела на кровати, прижав руки к груди. Затем встала, подошла к зеркалу, быстро провела расческой по волосам, застегнула до конца крючки на платье и пошла на кухню. Стоя у плиты, Гарри готовил кофе.

– Умоляю тебя, Гарри, ради бога, скажи, что ты задумал! – Она постаралась унять дрожь в голосе. – Я никому не скажу, честное слово!

– Нет, уж лучше держать язык за зубами, – проворчал он,

но она видела, что его так и подмывает рассказать ей все. – Только вот что: больше всего на свете мне не хотелось бы слышать твоего нытья: «не смей, не делай, не надо»! Я решился, и никакая сила в мире меня не остановит, в том числе и ты. Как только деньги будут у меня в кармане, я поеду в Лондон, потом в Париж и Рим. Хочу погулять немного, поразвлечься, повидать мир. А потом заведу свой маленький бизнес – знаешь, нечто вроде частного воздушного такси. Сначала войду в долю, потом, возможно, и отделюсь и буду летать куда и сколько угодно. Именно о такой работе я мечтаю и буду ее иметь!

– Понимаю...

– Получу деньги, – продолжал он, – и махну путешествовать, с тобой или без тебя. Не захочешь ехать со мной – так и скажи. А захочешь – что ж, прекрасно, о лучшей компании для поездки по Европе я и не мечтаю. – Он налил кофе в чашку и поставил на стол. – У тебя есть время прикинуть. Не думай, что я вынуждаю тебя принимать решение под дулом пистолета. Совсем нет. Но план свой я должен осуществить, это единственный шанс вернуться в авиацию. Буду сам себе хозяин, а значит, и денежки у меня заведутся, капитал. Одно место рядом со мной свободно. Я предлагаю его тебе, решай. Если нет, еду один.

Она пыталась сохранить спокойствие, но ею все сильнее овладевал тошнотворный, леденящий душу страх, от которого дрожали и руки, и ноги, и голос.

– Что ты надумал, Гарри? – спросила она и присела на табуретку.

– Двадцать пятого числа на одном из самолетов нашей компании будет перевезена в Сан-Франциско партия алмазов. Потом их кораблем должны отправить в Токио. Мне это известно, потому что именно я должен был вести самолет. Партия алмазов на три миллиона долларов. Я собираюсь их взять.

Ощущение было такое, что в сердце ей вонзился осколок льда.

«Он сошел с ума! Алмазы! На три миллиона долларов! Его поймают и посадят в тюрьму лет на двадцать, если не больше. Ему будет под пятьдесят, когда выйдет оттуда, а мне...» Она вздрогнула при мысли о том, во что она превратится через двадцать лет.

– Нечего на меня так смотреть, – проворчал он. – Я знаю, почему ты скисла. Ты думаешь, меня поймают? Так вот – я и шагу не ступлю, пока не будет пятидесяти шансов против одного, что сумею с ними смыться. Я и сейчас почти уже уверен, что все будет о'кей, а через неделю буду знать наверняка.

– Но, Гарри, стоит ли так рисковать? – прошептала она, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие. – Вспомни, часто ли удавались такие крупные ограбления? Не лучше ли...

– Ты ведь не знаешь, что я придумал. Потрясающе! Такого еще никогда не было! – Лицо его утратило мрачное и злое

выражение и светилось вдохновением. Таким она его никогда не видела. – Я собираюсь похитить этот самолет!

Она изумленно смотрела на него:

– Что ты такое говоришь...

– Что слышишь! – нетерпеливо перебил он. – Таков план.

Алмазы повезут в обычном пассажирском самолете. О них никто не будет знать, кроме хрыча и пилота. Я куплю билет на этот самолет и полечу как пассажир. Со мной должны быть еще двое. Сразу после взлета мы приступаем к делу. Двое ребят возьмут на себя пассажиров и команду. Я сяду за штурвал и посажу самолет в пустыне. Там нас уже будет ждать машина. Загружаемся в нее вместе с алмазами – и ходу! Неподалеку от этого места есть маленький аэродром. Я заранее закажу себе билет и сделаю так, чтобы мы приземлились в Мексике. Главное здесь – быстрота действий. Пока они поднимут тревогу, я буду уже на полпути к Мексике. Там и отсижусь, пока не пристрою камешки. Вот тут, кстати, стоит еще подумать. Надо найти на них покупателя.

Она слушала его и не верила своим ушам: как мог взрослый и, в общем-то, неглупый человек всерьез верить в осуществление столь безумной и опасной идеи?

– Но это первое, о чем надо бы подумать, Гарри. Прежде чем похищать алмазы стоимостью три миллиона долларов, надо четко представлять, кто их купит и сколько заплатит. Не надеешься же ты, Гарри, что на них клюнет первый встречный? Их слишком много – это раз, их будет активно

искать полиция – это два. Кому охота рисковать?

– Да уж найдется кто-нибудь, была бы цена подходящей, – раздраженно буркнул Гарри.

– Но ведь ты хочешь миллион, или я ослышалась?

Гарри хмуро взглянул на нее:

– Ты это что – нарочно? Стараешься меня отговорить?

– Мне кажется, ты недооцениваешь всей сложности этой... операции.

– Я только и делаю, что думаю о разных сложностях! – сердито воскликнул он. – Конечно, сложности есть. Такая затея – это тебе не прогулка под луной. Но я все устрою, уж как-нибудь... Может, и в Мексике найдется желающий купить всю эту кучу оптом.

Она почувствовала облегчение. Весь этот «гениальный» план был так скверно продуман, что теперь она была уверена: его можно отговорить. Надо только сделать это как можно деликатнее.

– Ну а как и кого конкретно ты собираешься искать? Не будешь же ты бегать по улицам и приставать к прохожим: «Не желаете ли купить краденых алмазов на три миллиона долларов?»

– Да знаю я, знаю! – взорвался он. – Тут еще надо подумать.

– А кто же будут те двое, твои помощники? Где ты их будешь искать?

– Еще не знаю. Должен найти. Как раз сегодня собирался

выйти в город. Пойду потолкаюсь там, посмотрю...

– Но Гарри!!! Люди, готовые пойти на такое дело, в магазине не продаются! А если ты ошибешься: обратишься к кому-нибудь, а этот человек пойдет да заявит в полицию? Гарри, дорогой мой, ну неужели ты не понимаешь, что все это никуда не годится? Ты же умный, ты должен понимать! И потом, ты все-таки не вор, не грабитель, не гангстер. Неужели не понятно, что такую операцию невозможно повернуть, если за спиной у тебя не стоит целая организация? Один ты не справишься.

Гарри взглянул на нее, и на его лице медленно расплылась улыбка.

– Ну ладно, не заводись, Глори. Ты, конечно, права. Организация – это прекрасно. Но я должен блюсти и свой интерес, согласись. И потом: как и где ее искать, эту самую организацию?

У Глории появилось неясное, но неприятное ощущение, что он недоговаривает или намекает на что-то, и она жестко посмотрела прямо ему в глаза:

– Ты забыл, что тебе придется платить этим своим помощникам. К тому же будет еще человек в машине...

– Ну да, ясное дело. О'кей, я все еще раз хорошенько продумаю. Еще раз обмозгую как следует. – Он взглянул на часы, висевшие над плитой. – Эй! А не пора ли тебе на работу? Не можем же мы позволить себе потерять нашу одну-единственную работу, а?

– Да, мне пора. – Глория встала. – Слушай, Гарри, давай обсудим все это еще раз вечером. Только обещай, что сегодня не станешь предпринимать абсолютно ничего. И никому ни слова. Обещаешь, Гарри? Подумаем еще, когда вернусь с работы.

– О'кей, детка. Буду тебя ждать. – Он наклонился и поцеловал ее. – А тебе не кажется, что все равно это замечательная идея, несмотря на все ее недостатки?

Она коснулась его щеки кончиками пальцев.

– Замечательных идей навалом. Проблема только в том, осуществимы они или нет.

– Да, это верно. Теперь мне есть над чем пошевелить мозгами, беби. Беги, иначе опоздаешь! – Он развернул ее и легонько подтолкнул к двери. – До вечера!

Как только она ушла, он допил кофе, налил себе еще чашку и отправился с ней в спальню. Присел на край кровати и, задумчиво приглаживая волосы, долго сидел и разглядывал носки своих комнатных туфель. На губах его блуждала хитрая и одновременно несколько презрительная усмешка. Он размышлял о том, что говорила ему Глория. Пока его план развивался именно так, как он рассчитывал. Первый удар она снесла. И сегодня к вечеру будет готова вникать в дальнейшие детали. И конечно, отыщет в его замысле еще кучу недостатков. Сейчас он был уверен: его план произвел на нее впечатление сырой и весьма приблизительной схемы с массой промашек с его стороны. Именно этого он и доби-

вался. Теперь будет гораздо проще заставить или уговорить Глорию исполнить его просьбу.

Допив кофе, он поднялся и подошел к комоду. Выдвинув нижний ящик, достал пачку писем и фотографий, перевязанных ленточкой.

Два дня назад ему вдруг понадобилось чистое полотенце. Не зная, где его искать, методично обшарил все ящики и тумбочки в спальне. Пачка писем лежала под аккуратно сложенной стопкой нижнего белья. Гарри скучал, делать ему было нечего, и он забрал письма в гостиную, присел к столу и стал их читать.

Он не испытывал ни малейших угрызений совести, читая чужие письма, не видел в этом ничего дурного. Лично ему было бы наплевать, если б она нашла его письма и прочитала.

Оказалось, это любовные письма почти трехлетней давности. Все они были подписаны именем Бен. Страстные и игривые письма, которые постепенно становились все холоднее и холоднее. Последнее подсказало Гарри, что разрыв неминуем, и он сокрушенно покачал головой: ему стало жаль Глорию.

Когда же он взглянул на фотографии, в глазах его засветился неподдельный интерес. Портреты Бена Делани так часто появлялись в газетах, что Гарри узнал его тотчас же.

И вот сейчас он вытащил одну фотографию из пачки, подошел с ней к окну и стал разглядывать.

Вот он, Делани, невысокий, щеголевато одетый мужчина

с жесткими холодными глазами, коротко подстриженными усиками и невыразительными чертами лица. Внизу наискосок шла надпись: «Глории, моей чудной девочке, от Бена».

Гарри стоял, разглядывая фотографию, и задумчиво пощелкивал по ней ногтем. «Кто бы мог подумать, что некогда Глори была подружкой самого опасного и могущественного рэкетира в Калифорнии? Невероятно! Однако все это как нельзя более кстати...»

Он улыбнулся и положил фото в бумажник. А всю пачку сунул обратно в комод, на прежнее место. Затем, тихонечко насвистывая, отправился принимать душ.

Ш

С утра, примерно в течение часа, работы в парикмахерской «Звезды» было немного, и, сидя в своей тесной кабинке в ожидании клиента, Глория размышляла о фантастическом плане Гарри.

Она перебирала в памяти все, что говорила ему. «Пусть даже он не станет воплощать в жизнь эту конкретную идею – все равно это показывает, в каком направлении работают его мысли. Кстати, это объясняет и то, почему он до сих пор никуда не устроился. Никогда бы не подумала, что в нем есть авантюрная жилка... Да, конечно, человек он легкомысленный и пьет слишком много, но это нечто совсем, совсем иное... Такая уж, видно, у меня судьба, – с горечью думала

она, – вечно связываться с мужчинами, мягко говоря, непорядочными». В свое время она была просто в шоке, узнав, что Бен – гангстер. А ведь она долго ничего не подозревала. И только когда два детектива, с жесткими, словно окаменевшими лицами, ворвались однажды ночью в квартиру Бена, она поняла все и с тех пор жила в постоянном страхе и ожидании новых визитов полиции. Но шли недели и месяцы, Бен богател, становился все могущественнее и смог наконец подкупить кого-то в полиции. Вторжения становились все реже и реже. Но она до сих пор помнила презрительные взгляды полицейских и то, как жестко и оскорбительно они допрашивали ее. Даже теперь, проходя по улице мимо полисмена, она вся сжималась.

«Если Гарри настолько обезумел, что все же решится на это дело, он не сможет подкупить полицию, чтобы защититься, как Бен. За ним начнется охота, и рано или поздно его поймают и отправят за решетку...»

При мысли о том, что можно потерять его, ей стало дурно. «Что бы ни случилось, что бы он там ни задумал, я буду с ним. Жизнь без него невыносима, невыносима. Надо каким-то образом отговорить его от этой опасной затеи, а если не удастся – я должна быть уверена, что он и шагу не ступит без тщательной подготовки».

«Ну и дура же я, – продолжала размышлять Глория. – Надо было тут же бросить Бена, тут же, как только я узнала, что он гангстер». Но она не смогла. И теперь, когда она знает,

что задумал Гарри, следовало бы тут же расстаться с ним. И снова она знала, что не в силах этого сделать...

День показался бесконечным. Когда Глория наконец вышла из отеля, тревога и страх настолько овладели ею, что она почти бежала всю дорогу до дома, не замечая, что прохожие удивленно оборачиваются вслед.

Гарри сидел в кресле и слушал по радио джаз.

– Привет, – благодушно сказал он, когда она, задыхаясь, влетела в комнату. – Чего ты неслась-то? Пожар, что ли?

– Никакого пожара, – ответила она, едва переводя дух. Потом подошла к нему, поцеловала и стала снимать пальто и шляпу.

– Дай, я повешу, – сказал он, и она передала ему пальто.

Потом села в кресло, а он отправился в спальню и вышел оттуда, неся два бокала виски с содовой.

– Сейчас будешь ужинать или позже? – спросил он.

– Я не голодна. – Отпив глоток, взяла сигарету и вопросительно взглянула на него.

Он улыбнулся:

– Ну что, малыш? Струхнула?

Она кивнула:

– А ты как думал? – Она с трудом изобразила улыбку. – У меня были для этого все основания. Эти твои идеи, они кого хочешь с ума сведут.

– Просто я хотел, Глори, чтоб ты знала все как на духу. Я не имею права недоговаривать или скрывать что-то от тебя.

– Допустим даже, Гарри, что план твой удался. Неужели ты не понимаешь, что тут начнется? Это сейчас спокойно проходишь мимо полицейского, просто не замечаешь его. Но как только ты похитишь камешки, любой полисмен будет вселять в тебя ужас и жизнь станет невыносимой.

– Звучит убедительно, – улыбнулся Гарри, – словно ты сама испытала все это на своей шкуре. Но только не пытайся убедить меня, что в своем далеком и темном прошлом ты подвергалась преследованиям со стороны полиции. Все равно в это не поверю.

– Я не шучу! – сердито воскликнула она. – Пожалуйста, Гарри, послушай меня внимательно. Ты не сбудешь алмазы с рук, даже если тебе и удастся их заполучить. Ты чужак, аутсайдер. У тебя нет нужных связей. Да и сама эта твоя идея не работает.

Гарри скорчил гримасу.

– Может, ты и права, – сказал он. – И все-таки сама по себе идея – просто конфетка для парня, у которого есть организация, есть надежные люди. Для такого человека – это беспроигрышное дело. Когда нет организации – это очень сложно, почти невыполнимо...

Она облегченно вздохнула:

– Ну вот. И я говорю – невыполнимо. Гарри, дорогой, я так рада, что ты наконец понял это! И теперь ты, конечно, откажешься от этой...

Он приподнял густые брови:

– Я и не думал отказываться от нее, совсем нет! Теперь самое главное – найти организацию, достаточно мощную, и продать им эту идею. Буду просить за нее пятьдесят тысяч долларов. Как раз хватит, чтобы завести свое дело.

Терпению ее настал предел, но она сдержалась.

– Но, милый, неужели ты не понимаешь, что сама идея совершенно безрассудна?! Они же не дадут тебе ни гроша, пока ты не выложишь им весь свой план. А как только это произойдет, они откажутся платить. Это же гангстеры, бесчестные люди! Им нельзя доверять.

Гарри усмехнулся:

– Да, ты явно невысокого мнения о моих умственных способностях. Не такой я дурак, не думай. В этом плане есть два момента, и оба без меня неосуществимы. Первое: определить самолет, на котором будут перевозиться ценности, и второе – найти в пустыне подходящее место для посадки. Это могу сделать только я. А без этого вся затея – полный пшик! До тех пор, пока я не получу денежки, заметь, наличными, я им и слова не скажу!

Сердце у Глории сжалось.

– Понимаю, – тихо сказала она. – Но, Гарри, у тебя же нет никаких связей. Думаешь, так просто выйти на какого-нибудь крупного мафиози? А если даже и выйдешь – он и слушать тебя не станет. Подумает, что это ловушка, расставленная полицией. Как ты заставишь их поверить тебе?

Гарри выдержал паузу. Вот и настал решающий момент!

Сейчас она произнесла те самые слова, какие требовались. Теперь все зависит от силы ее любви к нему.

– Правильно, Глори, – сказал он, глядя ей прямо в глаза. – Согласен. Мне они не поверят. Другое дело – тебе.

Она посмотрела на него, широко раскрыв глаза:

– Мне?!

– Бен Делани поверит тебе, Глория, даже если не поверит мне.

Такой реакции Гарри не ожидал. Она резко вскочила, лицо превратилось в белую маску, на которой яростно сверкали глаза.

– Что ты знаешь о Бене Делани? – пронзительно закричала она.

– Тише, тише. Чего ошетинилась, как бешеная кошка? Ведь вы с Делани были когда-то друзьями? Или я ошибаюсь?

– Откуда ты знаешь?

Лицо его помрачнело.

– Не смей орать на меня, Глори. Стоит ли делать из этого тайну? Просто я как-то просматривал тут один старый журнал, а из него выпало вот это...

Он вынул из бумажника фотографию Делани и бросил на стол. Глория смотрела на фотографию, глаза ее гневно блеснули.

– Ты лжешь! Не было ее ни в каком журнале! Ты читал мои письма!

Гарри начал терять терпение:

– Ну и что такого? Незачем класть туда, где их можно найти. И нечего так злобно смотреть на меня. А хочешь устроить скандал из-за пустяка – смотри, я тебе устрою!

Она внезапно испугалась. Такие ссоры могут завести далеко. Он сорвется и...

– Ладно, Гарри, – сказала она и, избегая смотреть на него, медленно опустилась в кресло. – Не обращай внимания. Просто я считаю, довольно некрасиво с твоей стороны читать чужие письма. Но не собираюсь ссориться из-за этого.

– Извини, я не нарочно, – сказал Гарри. – Просто наткнулся на них чисто случайно. Ладно, забудем об этом. Главное, что Делани – как раз тот человек, которого можно подключить к делу. У него есть организация, есть надежные ребята. Я хочу, чтобы ты свела меня с ним.

– Нет, никогда! Только не это!

– Но послушай...

– Нет, нет, Гарри, извини...

Он предвидел такую реакцию, хотя был уверен, что добьется своего. Какое-то время пристально смотрел на нее, потом пожал плечами:

– О'кей, не хочешь, не надо.

Встал и направился в спальню.

– Куда ты? – воскликнула она, и сердце ее заныло от страха.

– Я ухожу, – сказал Гарри, остановившись у двери. – Я ведь сказал уже: никто и никогда не отговорит меня от этой

затеи. Ни одна сила в мире. Я не строю иллюзий, знаю, что без тебя мне к Делани не подобраться. Что ж, придется действовать самостоятельно. Попытаюсь сам подыскать где-нибудь ребят, которые помогут повернуть дельце. Если заполучу камешки, сам пойду к Делани и предложу ему купить. Когда в руках у тебя чемодан алмазов, разговор идет совсем по-другому... А сейчас я сматываюсь. Раз такой расклад, лучше действовать в одиночку. Дело это трудное, опасное, и я не желаю, чтобы мне понапрасну трепали нервы.

– Но, милый, постой! Как же ты уйдешь... – пролепетала Глория, похолодев от страха. – Куда ты пойдешь, ведь тебе негде жить!

Он рассмеялся:

– Я тебя умоляю! Тоже проблема. Подыщу работенку долларов за тридцать на пару недель. Ты думаешь, я уж совсем неумеха или тряпка?

– Да нет, нет. Совсем я так не думаю! – Некоторое время она нерешительно молчала. – Значит, ты совсем не любишь меня больше, Гарри?

– С чего ты взяла? Конечно люблю. И когда раздобуду деньги, мы вместе поедem в Европу. Обещаю.

– Это правда? Что любишь?

– Ну, доказать это трудновато, но все же попробую. – Он подошел к ней, вытянул ее из кресла, приник губами к ее губам и так крепко сжал в объятиях, что она чуть не задохнулась. Но ей все равно было хорошо. Она гладила его шею,

волосы... Наконец он отпустил ее и сказал: – Да я без ума от тебя, детка! Знаю, что расстраиваю тебя, делаю тебе больно, но это временно. В конце концов все будет о'кей. Главное – раздобыть денег. А это самый быстрый и верный способ.

Она впилась пальцами ему в плечо.

– Ты твердо решился, Гарри? – спросила она. – И что бы я ни говорила и ни делала – тебя не остановить?

Он посмотрел на нее сверху вниз, понимая, что одержал победу. И отвернулся, чтобы не выдать своего торжества.

– Никто и ничто меня не остановит. Это мой единственный шанс, и я не собираюсь его упускать. И вот что еще я тебе скажу, Глори. Эта идея вовсе не свалилась мне как снег на голову. Три месяца назад я впервые услышал об алмазах и уже тогда решил их похитить. Три месяца, ночью и днем, я жил этой идеей, ломал себе голову, проворачивал все в уме и так и эдак и с каждым днем все более убеждался, что должен их взять.

Она отошла от него и села в кресло.

– Хорошо, Гарри. Раз ты так твердо настроен, мы сделаем это вместе. Об этих делах мне известно куда больше, чем тебе кажется. Думаешь, я даром прожила с Беном почти полтора года? Дай мне время обдумать все как следует. До завтрашнего утра. – Нерешительно помолчав с минуту, она продолжала: – Конечно, очень глупо с моей стороны ввязываться в эту историю. И я хочу, чтоб ты знал, почему я решила помогать тебе. Я люблю тебя. В этой жизни ты для меня –

все, ты – единственный, ради кого я живу. Думаю, у тебя есть шанс повернуть эту операцию, но только в том случае, если ты будешь во всем слушаться меня. Возможно, я смогу убедить тебя от тюрьмы, если повезет, конечно. Я сведу тебя с Беном. Это непросто, ведь мы не виделись с ним два года. Но я попробую. Поэтому дай мне время подумать. До завтра, ладно?

– Ну конечно, детка... – сказал Гарри. Странно, но он испытывал сейчас некоторую неловкость. Отчаяние, которое читалось в ее глазах, несколько охлаждало торжество по поводу одержанной победы.

– Может, в кино сходишь или еще куда-нибудь? – спросила она. – Я хочу немного побыть одна.

– Конечно. – Гарри потянулся за плащом. – Так и сделаю. Часам к двенадцати вернусь.

Он направился к двери, но вдруг вспомнил, что в кармане у него ни цента. Однако ему не хотелось просить у Глории, и, пожав плечами, он двинулся по коридору.

– погоди, Гарри.

Он обернулся. Она стояла в дверях.

– Ты забыл деньги. – В руке у нее была пятидолларовая бумажка. – Может, захочешь перекусить? Ты прости, что я выпроваживаю тебя...

Гарри медленно подошел к ней и взял деньги. Он испытывал неведомое прежде чувство стыда и неловкости, и ему это не нравилось.

– Спасибо, – сказал он, – я твой должник. – И, не оглядываясь, быстро зашагал по коридору.

IV

Обычно по воскресеньям они до двенадцати нежились в постели, потом вставали, устраивали легкий завтрак и, если погода была хорошей, шли гулять. Но в этот день поднялись сразу после девяти, сварили кофе и сели перед горящим камином.

– Не стоит понапрасну терять время, – сказала Глория, разлив кофе по чашкам. – Я все обдумала и теперь знаю, как надо действовать. Раз ты так твердо настроен, сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь тебе.

– Да, настроен, – нахмурился Гарри. – Мне очень не хотелось огорчать тебя, Глори. Но...

– Ладно, – оборвала она, – давай ближе к делу. Нет смысла похищать камни, пока мы не будем твердо знать, как и куда ты скроешься с ними, верно? Иначе говоря, главная наша задача – придумать, как уйти от преследования полиции.

Гарри сделал нетерпеливый жест:

– Об этом не беспокойся. Это я беру на себя. Главное – войти в контакт с Делани.

– Ошибаешься. – Бледное лицо Глории приобрело жесткое выражение. – Ну допустим, ты захватил алмазы и Бен согласен их у тебя купить. Но при этом ты ведь еще должен

остаться на свободе, чтобы тратить эти деньги, путешествовать, завести свое дело, не так ли?

– Само собой...

– Поэтому самое важное – устроить все так, чтобы полиция не смогла обнаружить тебя.

Гарри пожал плечами:

– Ну, допустим.

– Теперь скажи: могут на этом самолете оказаться люди, которые тебя знают?

Он нахмурился:

– Могут. И на аэродроме тоже. Вот поэтому я и хочу сразу махнуть в Мексику, пока они тут...

– Но тебя могут выслать из Мексики.

– Если найдут. Как-нибудь замаскируюсь, затеряюсь там.

Потом что-нибудь сообразим. Самое главное...

– Нет, – отрезала Глория. – Самое главное – скрыться.

Неужели ты не понимаешь, какая опасность тебя подстерегает? Ведь тебя могут узнать. Полиция будет знать, кого искать, и это сильно упростит их задачу. Не думаю, чтобы при этом ты долго оставался на свободе. Они получают твою фотографию из архива «Эйр транспорт», напечатывают ее в каждой газете, и рано или поздно кто-нибудь тебя опознает. За твою поимку назначат награду. Стоит им узнать, что это был ты, Гарри, и считай, что ты пропал.

– Боже мой! – сердито воскликнул он. – Риск есть риск.

Если мы будем беспокоиться из-за всякой ерунды, нам ни-

когда не сделать дела!

– Если они узнают, кто это был, они станут преследовать тебя до конца твоих дней. До конца жизни ты ни на секунду не будешь чувствовать себя в безопасности.

– Ну и что? Они все равно узнают меня, раз я сяду за штурвал. Тут уж ничего не поделаешь.

– Нет, неправда! Тебе надо изменить внешность ДО ТОГО, как ты приступишь к делу. С завтрашнего дня Гарри Гриффин исчезнет. Вместо него появится Гарри Грин. Именно Гарри Грин похитит алмазы. Затем Гарри Грин исчезает, и снова появляется Гарри Гриффин. Полиция будет искать Гарри Грина, а не тебя.

Гарри тупо смотрел на нее:

– Что-то я не пойму... Валяй еще раз, помедленнее...

– Все очень просто. Перед тем как пойти на дело, ты должен изменить внешность. Да так, чтоб ни единая душа тебя не узнала. Ты станешь человеком без роду и племени, без друзей и знакомых, которые могут тебя опознать. А как дело будет сделано, ты снимешь грим и ни один черт не догадается, что это был ты!

Гарри пригладил волосы.

– Что ж, сама по себе идея неплохая, – задумчиво произнес он. – Но она не сработает. Тут весь фокус в том, чтобы измениться до неузнаваемости. А это невозможно. На аэродроме меня каждая собака знает. И они меня узнают, как пить дать. Не выйдет, пустая затея, Глори.

– Ошибаешься. Я сама тебя загримирую. Когда-то я была знакома с одним из лучших гримеров в Голливуде и научилась у него разным хитрым штучкам. Да я тебя так переделаю, что и мать родная не узнает!

– Честно? – Он подался вперед, глаза его возбужденно блестели. – Ты не шутишь?

– Тут не до шуток. И фокус не только в том, чтобы изменить цвет волос и лицо. Одежда, походка, манера говорить, твой голос – все-все должно быть другим. И здесь многое зависит только от тебя. Сколько осталось дней?

– Двадцать.

Глория кивнула:

– Думаю, успеем. Но времени в обрез – нам предстоит много дел. Завтра ты пойдешь на аэродром и встретишься с друзьями. Скажешь им, что собрался ехать в Нью-Йорк, искать работу.

Гарри побагровел:

– Нет, к черту! Не желаю их видеть! Какого дьявола я должен говорить им, что еду в Нью-Йорк?

– Ты должен это сказать! – сердито воскликнула Глория. – После похищения начнется расследование. Полиция сразу догадается, что дело надо раскручивать изнутри, с аэродрома. Рано или поздно они выйдут на тебя, вернее – на твое имя. Они узнают, что именно ты должен был вести этот самолет и что ты знал о перевозке алмазов. Твой босс тоже подольет масла в огонь. Поэтому еще до ограбления ты дол-

жен уехать из города. Ты поедешь в Нью-Йорк и зарегистрируешься в гостинице под своим именем. Нужны доказательства, что ты был в Нью-Йорке, даже если потом ты исчезнешь. Может, даже стоит устроиться на какую-нибудь работу, связанную с разъездами. Но детали после. Сначала я хочу обрисовать план в общих чертах.

– Что ты болтаешь, Глори, ей-богу! – в сердцах воскликнул Гарри. – Я понимаю, тут есть доля здравого смысла, но поездка в Нью-Йорк стоит денег. А их у нас нет.

– О деньгах потом, – перебила Глория. – Ты лучше слушай меня внимательно. В гостинице ты должен вести себя так, чтобы все служащие тебя как следует запомнили. Ведь потом с ними будет беседовать полиция. Найдешь работу. Что-нибудь по торговой части, это несложно. К тому времени я тоже приеду в Нью-Йорк, займусь твоей внешностью. И ты станешь Гарри Грином. Перед отъездом из Нью-Йорка напишешь три-четыре письма каким-нибудь своим друзьям или знакомым. Надо узнать адреса нескольких отелей в Канзас-Сити, Питсбурге, Детройте и Миннеаполисе. И указать на каждом из писем эти обратные адреса. Другам напишешь, что разъезжаешь по стране и что у тебя все в порядке. Я развезу письма по этим городам и отправлю их оттуда. У них должны быть доказательства, что ты едешь по стране. И единственным таким доказательством станет почтовый штампель.

– Но погоди минутку, – пытался остановить ее Гарри.

– Я не закончила, – сказала Глория. – Это что касается алиби. Теперь второе. Ты вернешься сюда и встретишься с Беном. Снимешь комнату в каком-нибудь дешевом отеле и постарайся, чтобы тебя там запомнили. Чем больше будешь куролесить, тем лучше. При любом удобном случае вставляй, что ты бывший пилот и сейчас ищешь работу по специальности. Веди себя нагло и напористо – это лучший способ запомниться. Пойди в фотоателье и сфотографируйся. Постарайся, чтобы фотограф тебя запомнил. Ну, допустим, откажись платить, закати ему скандал, да такой, чтобы он хорошенько запомнил тебя. Когда в газете появится твое описание, он наверняка принесет в полицию копию твоего фото. Ты понял, зачем все это? Полиция начнет искать Гарри Грина, а до тебя им не будет никакого дела.

Гарри смотрел на нее, разинув рот:

– Да-а-а, ну ты даешь, Глори! Кто бы мог подумать! Гениально! Мне и в голову такое прийти не могло. Да тогда им сроду меня не взять.

– Смотри не зарекайся. И никогда так не говори. Одна маленькая ошибка, один неверный шаг – и конец. Но так, по крайней мере, есть хоть какой-то шанс.

– Конечно есть! Я уверен. Гениальная идея! Тут только одно «но»: я хочу встретиться с Делани до того, как поеду в Нью-Йорк. Ведь, если он не клюнет, придется придумать какой-то новый вариант и тогда на кой мне ехать в Нью-Йорк?

– Ты должен встретиться с ним как Гарри Грин, – тихо, но твердо сказала Глория. – Он не должен знать, кто ты есть на самом деле. Поверь, я слишком хорошо знаю Бена. Он запросто может обмануть или выдать тебя. Стоит полиции докопаться, что именно он связался с этими камешками и нажать на него, как он тебя выдаст и глазом не моргнет. Ты не знаешь, что это за человек, а я знаю. И как только Гарри Грин получит деньги, он должен исчезнуть, сгинуть напрочь, чтобы ни Бен, ни полиция не могли тебя выследить. Это крайне важно. Ты должен сделать все именно так.

Гарри пожал плечами:

– Ну ладно. Итак, я встречаюсь с Делани по возвращении из Нью-Йорка. Но скажи мне на милость, как я попаду в этот самый Нью-Йорк? Пешком, что ли, пойду? – Он усмехнулся. – Сама посуди, детка, на все потребуется минимум тысяча: два билета до Нью-Йорка, мой и твой, твои прогулки в другие города, плата за номер в гостинице, пока я ищу работу... Никак не меньше тысячи. А откуда ее взять?

Глория встала и скрылась в спальне, а когда через несколько минут вышла оттуда, в руках у нее была небольшая кожаная шкатулка. Она поставила ее на стол, открыла и достала маленькую брошь с бриллиантами и золотой браслет, усыпанный сапфирами.

– За них можно получить пару тысяч, – сказала она. – Держала на черный день.

Гарри внимательно осмотрел вещи и поднял на нее глаза:

– Прелесть! Неужели тебе не хочется оставить их себе, Глори? Жалко продавать такие цацки, ей-богу!

– Нет, они мне не нужны, – деревянным голосом сказала Глория. – Что толку держать их вот так, в коробке? Вряд ли мне предоставится случай надеть их.

– Но я же вижу, тебе жутко не хочется с ними расставаться, – сказал он и обнял ее. – Хотя сейчас, конечно, деньги нужны нам позарез... Знаешь, если дело выгорит, я куплю тебе другие, куда шикарнее! Обещаю! Не думай, я очень ценю все, что ты для меня делаешь. И я люблю тебя за это. Спасибо!

Она прижалась к нему, изо всех сил стараясь не заплакать.

– Ты только представь: вот мы с тобой в Лондоне, Париже, Риме, – продолжал он, поглаживая ее темные шелковистые волосы, – с деньгами, с большими деньгами. А когда надоест путешествовать, вернемся сюда, и я заведу свое дело. Заживем прекрасно и счастливо...

– Да, – сказала она, еще теснее прикинувшись к нему. – Может, мы даже поженимся...

Слова эти вырвались произвольно, прежде чем она успела подумать. Она испуганно застыла, проклиная себя за несдержанность.

– Почему бы и нет? – сказал Гарри, весь во власти благодарного чувства к ней. Да и сама идея с женитьбой показалась ему недурной. – А ты бы хотела этого, Глори? Ты согласилась бы выйти за меня замуж?

Она чуть отодвинулась и заглянула ему в глаза:

– Конечно. Я страшно хочу выйти за тебя замуж, Гарри, – сказала она и подумала: «Вот, первый раз в моей жизни мужчина делает мне предложение».

– О'кей, тогда поженимся, – сказал Гарри и нежно улыбнулся ей. – Однако спешить с этим не стоит. Прежде всего дело, остальное потом. Что ты на это скажешь?

– А почему бы прямо не завтра? – полушутливым тоном заметила она. – По крайней мере, могли бы обратиться за лицензией...

– К чему такая спешка? – сказал Гарри и поцеловал ее. – Я хочу, чтоб к моменту свадьбы голова моя была свободна от забот и чтоб у нас был долгий и счастливый медовый месяц. Но все это – только после того, как мы обтяпаем наше дельце.

– Да, конечно, – сказала она, – конечно. Мы подождем. Придется подождать.

Глава вторая

I

Бен Делани прошел долгий и сложный путь за то время, что не виделся с Глорией. При ней он был заурядным рэкетиром, правда с изрядной долей амбиций и безошибочным нюхом. Он всегда очень точно определял, где можно быстро и без особого риска урвать лишний доллар. Он не брезговал ничем и, найдя мало-мальски приличный источник дохода, быстро выдаивал его, а затем спешил дальше в поисках следующего легкого, доходного и не слишком рискованного дельца. Столкнувшись с сопротивлением, заглушал его очередью из автомата. Но теперь Бен был уже не тот. Он считал себя удачливым бизнесменом, проворачивающим одновременно несколько крупных и выгодных дел. Некоторые из этих дел были практически законны – ему принадлежали два ночных клуба, такси-сервис, бюро телеграфных услуг для букмекеров и шикарный мотель на Лонг-Бич. Правда, все эти прибыльные предприятия изначально финансировались за счет действий не столь законных, как то: торговля наркотиками, шантаж, организованный рэкет. Еще одним прибыльным побочным дельцем являлись операции с драгоцен-

ностями, что со временем позволило ему приобрести репутацию крупнейшего на побережье скупщика краденого.

Он жил на бульваре Сансет, в роскошном особняке с садом в два акра. В доме насчитывалось двадцать спальных комнат, а все левое крыло отводилось под офис – целая анфилада кабинетов и приемных, откуда и правил Бен своим маленьким государством.

К оружию он теперь не прикасался – у него хватало денег, чтобы содержать целую армию телохранителей, которые свято блюли его интересы и отсекали не только любого конкурента, но и каждого, кто имел глупость сунуть нос в заповедные дебри владений Делани. Правда, ежегодно ему приходилось отстегивать кругленькую сумму полиции, зато он был полностью огражден от каких-либо неприятностей. Он жил роскошно, сладко ел и пил, бурно развлекался и, если бы не происки прессы, давно был бы причислен к сливкам лос-анджелесского общества. Но пресса, вернее, наиболее злопамятные из журналистов никак не могли простить ему гангстерское прошлое и тот факт, что он трижды привлекался к суду по обвинению в убийстве, хотя всякий раз его умница-адвокат пробивал брешь в стене, казалось бы, неопровержимых улик против Бена, через которую тот благополучно выскальзывал на свободу. Не забыли они и того, что год назад он был замешан в одной грязной истории с проституткой, хотя прямых улик против него не оказалось. Время от времени, при возникновении дефицита в разного рода скан-

дальних историйках, редакторы ряда газет помещали убийственные материалы о прошлом Бена, смутно намекая, что не мешало бы присмотреться и к нынешним его делам. Там содержались достаточно прозрачные намеки на протекционизм со стороны полиции и необходимость административной чистки. Вот тут Бен был бессилен. Его так и подмывало раз и навсегда заткнуть глотку наиболее ретивым из писак, но, вспоминая о случае с Джейком Линглом, он всякий раз приходил к выводу, что риск слишком велик. Бен притворялся, что плевать хотел на газеты, однако втайне так и кипел от возмущения. Именно из-за них он оставался до сих пор на задворках высшего общества, прекрасно понимая, что люди, которых он так щедро кормит, поит и развлекает на приемах в своем особняке, всего лишь второй сорт, прихлебатели, прилипалы и прочая шваль, готовая пойти куда и к кому угодно, лишь бы нажраться и напиться на дармовщину.

В тот понедельник рано утром он сидел за огромным письменным столом в своем помпезно обставленном кабинете с зеркальными окнами, откуда открывался вид на бассейн и залитый солнцем розарий. Уже при первом взгляде на колонку цифр становилось ясно, что его подчиненные сорят деньгами налево и направо, как гуляки-матросы, дорвавшись до берега. Его жесткое лицо приобрело угрюмое выражение, когда он, взяв ручку, подвел итог – вывел внизу колонки сумму, которую надлежало выплатить в этом месяце помимо текущих расходов. Впрочем, для него она была не

так уж и велика. В любое другое время он и бровью бы не повел, но так вышло, что именно в этом году он решил наконец осуществить свою давнюю мечту. Знаком преуспевания, по его мнению, служила личная яхта: не детские игрушки с одним-единственным парусом, а судно водоизмещением пять тысяч тонн, с каютами на двадцать человек, танцзалом, а может, даже и плавательным бассейном. Владеть такой яхтой – вот что казалось Бену пиком роскоши.

Он впал в шок, получив расчеты от нескольких ведущих судостроителей: цена, которую заломили эти бандиты, даже ему казалась непомерной. Глядя на цифры, пришел к выводу, что ему понадобится, с учетом всех текущих расходов, еще минимум миллион долларов, а откуда, скажите на милость, возьмется такая куча денег?

Он сидел и размышлял над этой проблемой, как вдруг селектор, установленный на столе, издал щелчок и ожил.

– К вам некая мисс Дейн, мистер Делани, – сказала секретарша. – Мисс Глория Дейн.

Бен не поднял глаз от колонки цифр:

– Не знаю и знать не желаю. Скажите, я занят.

– Слушаю, сэр. – Селектор вновь погрузился в молчание.

Какое-то время, просматривая банковские бумаги, Бен повторял про себя это имя – Глория. Потом, повинувшись внутреннему порыву, нажал кнопку:

– Вы сказали, Глория Дейн?

– Да, мистер Делани. Говорит, что по личному и неотлож-

ному делу.

Бен скорчил гримасу: «Дейн, что-то знакомое...» Некоторое время он колебался, потом, вспомнив дни, прожитые с Глорией, решил принять ее. «Неплохое то было времечко. И мы неплохо проводили его. Я был свободен и беззаботен. Не было тогда ни язвы, ни всего этого хозяйства, с которого теперь глаз спускать нельзя ни днем ни ночью...»

– О'кей! Впустите. Даю ей десять минут. Когда позвоню, войдете и выпроводите ее.

– Слушаюсь, мистер Делани!

Бен сгреб в сторону бумаги, закурил сигарету, встал и подошел к окну. Он посмотрел на безупречно ровные, ухоженные клумбы с последними в этом сезоне цветками роз, затем перевел взгляд на бассейн под толстым стеклянным колпаком, который даже в зимние месяцы позволял поддерживать температуру воды не выше и не ниже двадцати четырех градусов Цельсия. Он видел Фей, стоявшую на деревянном трамплине, – подняв гибкую руку, она поправляла красную купальную шапочку. Он охватил взором ее стройную фигуру, длинные загорелые ноги и одобрительно кивнул: «Может, она и не идеал, но все, что нужно, при ней». Фей стояла ему недешево, зато в постели отличалась не только неподдельным энтузиазмом, но и редкостной изобретательностью. К тому же многие мужчины завидовали этому новому его приобретению, а Бену ничто так не грело сердце, как зависть окружающих.

Услышав, как отворилась дверь, он обернулся. Миловидная темноволосая секретарша, выдавливая из голоса максимум презрения, произнесла: «Мисс Дейн!» – и, посторонившись, пропустила Глорию в кабинет.

Стоило Бену увидеть ее, как он тут же пожалел о своем порыве. Неужели эта бледная, усталая, немолодая женщина – та самая Глория? Его Глория? Быть не может!

«Бог ты мой, да она в матери Фей годится! А как ужасно одета! Да-а, девочка явно опустилась, сдала, как говорится, позиции... Ясно как божий день».

Многочисленные фотографии Бена в газетах отчасти подготовили Глорию к переменам в его облике, но все равно она была потрясена. И дело не в том, что у него появился круглый животик, а волосы поредели и в них блестела проседь. Этого следовало ожидать. Ведь ему теперь пятьдесят три или пятьдесят четыре. Поразило мертвое, безразличное выражение его лица, которое она помнила веселым, оживленным и загорелым. Теперь оно было бледно и холодно, как маска. А его взгляд просто испугал – тяжелый, жесткий и одновременно ищущий и беспокойный, словно у хищной птицы.

– В чем дело? – коротко спросил Бен, твердо вознамерившись сократить этот визит до минимума. – Я крайне занят. Я бы вообще не принял тебя, просто неудобно выпроваживать, не перемолвившись словечком. В чем дело?

Глория покраснела, затем побледнела. Он мог бы встретить ее и по приветливей, попросить присесть, по крайней

мере, спросить, как она поживает. И она решила сразу перейти в атаку. Заинтересовать Бена прежде, чем тот выдворит ее из кабинета, что, как она чувствовала, он и собирался сделать.

– Тебя интересует партия алмазов на три миллиона долларов? – спросила она.

Его лицо оставалось непроницаемой маской, но по тому, как он слегка склонил голову набок, Глория поняла, что зацепила его.

– О чем речь? Какие алмазы?

– Может, позволишь мне присесть? Или теперь в твоём присутствии, Бен, люди говорят только стоя?

Неожиданно он усмехнулся. Такой стиль импонировал ему. Он не любил, когда лебезили.

– Валяй, садись. – Бен подошел к столу и тоже сел. – Только давай так договоримся, Глория. У меня куча дел. Что за алмазы и с чем их едят, давай выкладывай по-быстрому!

Однако теперь, увидев, что он всерьез заинтересовался, Глория вовсе не собиралась торопиться. Она села, протянула руку к золотой сигаретнице, стоявшей на столе, достала сигарету и вопросительно взглянула на Бена. Тот нетерпеливым жестом подтолкнул к ней массивную настольную зажигалку.

Она закурила и сказала:

– Один мой знакомый хочет с тобой поговорить. Рассчитывает провернуть с тобой одно дельце. Я вообще не хотела

вмешиваться, но как-то раз он меня выручил. И потом он думает, что ты не примешь его, если сначала я, ну, что ли, не представлю его тебе... Вот... – Она развела руками, и фраза повисла в воздухе. Потом, после паузы, добавила: – Он рассчитывает получить партию алмазов на три миллиона долларов и хочет их пристроить. Он считает, что, кроме тебя, обратиться не к кому.

– Откуда он их получит?

– Не знаю и знать не хочу. Просто я ему обязана. Вот почему и пришла к тебе.

– Кто он?

– Гарри Грин. Живет в Питсбурге. Во время войны был пилотом и повредил ногу. В некотором роде калека. Занимается комиссионной продажей нефти, но, как я понимаю, не слишком преуспевает.

Бен нахмурился:

– Но при чем здесь алмазы?

– Не знаю.

– Сдается мне, он просто чокнутый. Слушай, детка, ты только понапрасну отнимаешь у меня время. Камешков на три миллиона – это тебе не шутки!

– Я ему и сказала, что ты не согласишься. Но он так настаивал. Очень просил поговорить с тобой. Ладно, извини, что побеспокоила и отняла столько времени, Бен.

Она встала.

Бен уже потянулся к кнопке, чтобы вызвать секретаршу,

как вдруг на глаза ему попались бумаги со счетами.

«Партия алмазов на три миллиона долларов! А если все же это не бредни сумасшедшего и не пустой треп, если каким-то чудом камешки действительно существуют?.. Что ж, тогда, пожалуй, у меня появятся средства, чтобы заказать яхту уже в этом году».

– Погоди, – сказал он и откинулся в кресле. – А этому парню можно доверять, Глория?

– Конечно. Иначе я бы к тебе не пришла.

– А как ты думаешь, он и вправду сможет заполучить эти камешки?

– Наверное. Не знаю. Я знаю одно – даром времени он не теряет и доверять ему можно. Но если ты так занят... Что ж, тогда, я думаю, ему придется подыскать кого-нибудь другого, с кем можно будет провернуть это дело.

Бен помолчал с полминуты, потом пожал плечами:

– Ладно. Повидаться в любом случае не повредит. Как, ты сказала, его зовут?

– Гарри Грин.

– Передай ему, чтобы завтра зашел. Только сперва пусть позвонит секретарше, она назначит время.

– До шестнадцатого его в городе не будет. Не хочет лишний раз здесь появляться. Может, он позвонит прямо тебе и вы договоритесь, где и когда назначить встречу?

– О'кей. Но имей в виду, дорогая, если этот парень просто морочит мне голову, он об этом крепко пожалеет. – Тяжелое

неподвижное лицо Бена внезапно налилось злобой. – А все же, какого хрена он не хочет приехать сюда?

– Это ты сам у него спроси, – отрезала Глория, но по спине у нее пробежал холодок.

Бен раздраженно передернул плечами:

– О'кей, пусть звонит сюда, я с ним потолкую. – Он поднялся с кресла. – Так ты уверена, что он надежный человек?

– Да. Может, это и глупо теперь звучит, Бен, но мне-то ты можешь доверять.

Он рассмеялся:

– Ну, ясное дело. Да... Давненько мы с тобой не виделись, Глория. – Он обогнул стол и подошел к ней. – Как поживаешь?

– Прекрасно. А ты?

– Да помаленьку. А этот Грин, он что, твой дружок, Глория?

– Нет. Просто как-то раз вытащил меня из одной передраги. Вот и все.

– А у тебя есть дружок, Глория? – Его немигающие глаза оценивающе обежали ее лицо и фигуру – пронизывающий, как рентген, взгляд гангстера.

– Знаешь, я пришла к выводу, что, пожалуй, лучше его не иметь. Так оно спокойнее, Бен. Все эти дружки по большей части люди ненадежные.

– Ну не скажи, не скажи... – Он улыбнулся. – Значит, вот как ты теперь рассуждаешь... Просто мужчине нужны ино-

гда перемены. – Он подошел к окну. Ему вдруг страшно захотелось похвастаться своим новым приобретением. – А ну, поди-ка сюда, посмотри.

Они стояли рядом у окна и смотрели вниз, на бассейн, где под стеклянным колпаком лежала на надувном матрасе Фей – рыжевато-золотистые волосы рассыпались по плечам, поперек груди узенькое полотенце – и грелась под кварцевой лампой.

– Ну, что скажешь, хороша, а? – Бен презрительно покосился на Глорию, в голосе его звучала гордость. – Занятная девчонка, а какая красotka! Я вообще люблю, когда они молодые, Глория. Молодые и шустрые, какой и ты когда-то была...

Глория побледнела. Удар пришелся в цель.

– Да, – сказала она. – Очень хороша. Но и она постареет. Все мы стареем. Надо сказать, что и ты не похорошел с тех пор, Бен. Прощай!

Она пересекла кабинет, отворила дверь и вышла.

Бен стоял, злобно уставившись на дверь.

«Да, опять эта сука оставила за собой последнее слово. Правильно я сделал, что избавился от нее. Кто бы мог поверить, что она превратится в такую злобную старую ведьму?..»

Он подошел к столу и снял телефонную трубку:

– Борг? Сейчас выйдет женщина, уже, наверное, выходит. Высокая, волосы темные, черно-белый костюм. Имя – Гло-

рия Дейн. Я хочу знать, где она бывает, чем занимается, кто ее любовники – все о ней.

На другом конце линии прошелестел низкий задыхающийся голос, словно владелец его страдал астмой:

– О'кей. Я прослежу, сэр.

Бен повесил трубку и стоял некоторое время неподвижно, рассматривая грудку бумаг на столе. «...Гарри Грин? Интересно, что за персонаж и как к нему попадут камешки... Но раз она сказала, что их там на три миллиона, значит так оно и есть». Он привык верить Глории.

Подойдя к окну, взглянул на Фей еще раз.

«Она постареет. Все мы постареем. Надо сказать, что и ты не похорошел с тех пор, Бен».

Черт бы ее побрал! Посметь сказать ему такое! Прямо все утро изгадила...

II

Глория шла по бульвару и была настолько погружена в свои мысли, что не заметила высокого сутулого мужчину в темном плаще и шляпе с обвислыми полями, который сидел в «бьюике», припаркованном на противоположной стороне улицы. В его худом жестком лице с крючковатым носом и тонкими губами было что-то ястребиное. Он наблюдал за Глорией через ветровое стекло, видел, как она остановилась у автобусной остановки и, когда подъехал автобус, села

в него. Он выжал сцепление и двинулся вслед за автобусом.

Автобус вез Глорию домой, а она думала о том, что наиболее важная часть плана Гарри осуществилась. Встреча с Беном прошла достаточно гладко. На большее она и не рассчитывала. Правда, при воспоминании о том насмешливо-презрительном взгляде, который он бросил в ее сторону, она передернулась. Впрочем, и он сильно изменился с тех пор.

Теперь она уже не уверена, что была бы счастлива, возобновись их отношения. Нет, это невозможно, этого даже представить себе нельзя. Она нисколько не завидовала той хорошенькой куколке в бассейне. Напротив, ей было жаль ее. Будьте уверены, она отработывает каждую шмотку, все, что он ей дает, и наверняка надолго ее не хватит. Хотя, спору нет, она, конечно, очень хороша собой, очень привлекательна...

Дурочка, и ей не мешало бы немножко почистить перышки, прежде чем являться к Бену. Это избавило бы ее от того оскорбительного, презрительного выражения, с которым смотрел на нее Бен, выражения, которое нанесло глубокую рану ее и без того израненному самолюбию.

Надо предупредить Гарри, чтобы он был крайне осторожен. Бен наверняка приложит все усилия, чтобы выяснить, кто он и откуда. Она вспомнила, как Делани однажды объяснял ей, почему никому не доверяет: «Если человек ведет себя скрытно, значит ему есть что скрывать, – сказал он, – а раз у него есть тайна, я должен знать ее – это позволит мне держать его в узде».

Вдруг ее точно молнией пронзила догадка, и она похолодела. Наверняка Бен послал за ней хвост. Какая же она идиотка! Автобус уже замедлял ход перед ее остановкой. Еще несколько секунд, и она могла бы привести людей Бена на Гарри.

Она не вышла из автобуса и проехала свою остановку. Окинула быстрым взглядом пассажиров. Их было всего четверо – три женщины и пожилой священник. «Нет, – подумала она, – опасность не здесь, извне». Через заднее стекло посмотрела на текущий вслед за автобусом поток автомобилей.

В любой из машин, следующих за автобусом, мог находиться человек Бена. Она доплатила за проезд и сошла через три остановки, в торговом центре. Сперва надо убедиться, следят за ней или нет, а если да – то избавиться от хвоста. Она смешалась с толпой, затем подошла ко входу в «Феррье», одному из крупнейших универмагов в городе. Резко остановилась и обернулась.

Нарушая все правила движения, прямо из третьего ряда свернул к тротуару «бьюик» и остановился ярдах в пятидесяти выше по улице. Из него выскочил высокий сутулый мужчина и двинулся в ее сторону.

Людей именно такого типа нанимал Бен. С бешено бьющимся сердцем она вошла в универмаг. Миновав несколько секций, подошла к эскалатору. Он уносил ее на второй этаж, и она бросила взгляд вниз. Длинный – руки в карманах, в тонких губах сигарета – двигался к эскалатору быстрым раз-

машистым шагом. На секунду она испытала чувство удовлетворения: да, Бен в своем репертуаре, хорошо, что она предвидела этот ход. Он все-таки установил за ней слежку.

Наверху, в трикотажной секции, купила пару нейлоновых чулок. Длинного не видно.

Затем снова поехала на эскалаторе, но уже вниз, пересекла торговый зал и подошла к будкам телефонов-автоматов. Последняя в ряду была свободна. В соседней находилась женщина. По тому, как та переключивала пакеты и свертки, Глория догадалась, что она там надолго. Вошла в последнюю будку и захлопнула дверь. Затем, загоразивая телом диск, набрала номер своей квартиры. Пока раздавались гудки, оглядела зал через стекло будки.

Длинный был совсем рядом. Он стоял у прилавка и рассматривал электробритву, одну из целой вереницы, выставленной на прилавке. Она поняла, что оттуда, где он стоит, не будет слышно ни единого ее слова, и с нетерпением ждала, когда наконец ответит Гарри. Через секунду он снял трубку.

– Гарри? Это я, Глория.

– Ну что, порядок? – нетерпеливо спросил он.

– Да, все нормально. Он тебя примет. Теперь слушай. Он послал за мной хвост. Видимо, хочет выяснить, кто ты такой, и думает, что я выведу на тебя этого типа. Я звоню из «Феррье», сыщик тоже здесь, ошивается неподалеку. Немедленно собирай вещи и уезжай. Он не должен тебя видеть. Я позволю его немного, чтобы дать тебе время собраться и поймать

такси. Потом постараюсь от него избавиться. – Она взглянула на часы. – Сейчас двенадцать двадцать. В час пятнадцать буду ждать тебя на углу Вестер и Леннокс. Там есть газетный киоск. Остановишь такси, выйдешь и купишь газету. На меня и смотреть не смей, пока я сама с тобой не заговорю. Если мне удастся от него отделаться, я сяду к тебе в такси, если нет – поезжай на вокзал. Поезд отходит в два. Встречаемся в Нью-Йорке в вестибюле гостиницы «Астор» в пятницу, в одиннадцать утра. Понял?

– Да! – Голос Гарри звучал возбужденно. – Ты только смотри осторожней там, детка. В час пятнадцать, где договорились.

– Хорошо. – Сердце у Глории заныло. Мысль о том, что она не увидится с ним целых три дня, была невыносима. – Да, Гарри, смотри в оба, когда будешь выходить из дома. Бен мог узнать мой адрес по телефонной книге. Мог установить слежку и за домом тоже. Постарайся убедиться, что за тобой нет хвоста, ладно?

– Ладно. Так он согласен со мной встретиться?

– Да. Об этом потом, при встрече. Значит, в час пятнадцать, Гарри, и умоляю, будь осторожен!

Не успел он положить трубку, как в дверь раздался звонок. Его мысли настолько были заняты всем тем, что ему сообщила Глория, что он автоматически направился в прихожую. Он уже и руку протянул, чтобы открыть дверь, как вдруг остановился и даже переменялся в лице. За все время его

жизни здесь с Глорией никто ни разу не приходил к ней днем. Кто бы это мог быть?.. Он вспомнил предостережение Глории. Может, это один из людей Бена? Он бесшумно подкрался к двери и запер ее на задвижку. Постоял какое-то время, напряженно вслушиваясь. Снова резко и продолжительно прозвенел звонок. Гарри ждал. Прошло еще несколько томительных минут. И вдруг ключ в замке начал поворачиваться. Гарри смотрел на ключ с бешено бьющимся сердцем. Наверное, тот, кто находился там, за дверью, зажал ключ какими-то длинными щипцами и поворачивал его. Послышался легкий щелчок – это открылся замок, потом повернулась дверная ручка, но дверь, скрипнув, не поддавалась, ее удержала дверная задвижка.

Гарри отошел от двери. Стараясь двигаться как можно тише, прошел в спальню и вытащил из-под кровати чемодан. Наверняка тот тип, что ошивается там, за дверью, догадался, что в квартире кто-то есть, раз ключ в замке. И наверняка будет ждать снаружи, на площадке. Ну и пусть себе ждет на здоровье хоть целый день.

Гарри взглянул на часы и чертыхнулся. До встречи с Глорией оставалось всего двадцать минут.

Он торопливо побросал в чемодан вещи: смену белья, сорочку, свой лучший костюм, пару туфель. Затем на цыпочках отправился в ванную – взять бритвенный прибор и губку. В ванной он подошел к окну, открыл его и выглянул наружу. Железная пожарная лестница, выходящая в безлюдную бо-

ковую аллею, подсказала ему выход. Он вернулся в спальню, выдвинул ящик комода, достал из-под стопки сорочек кольт 45-го калибра и коробку с патронами. Зарядил кольт, сунул в карман брюк, положил коробку в чемодан, захлопнул его и защелкнул замки. Затем достал из гардероба плащ, шляпу и оделся.

Снова прошел в ванную, поднял оконную раму вверх до упора и, выбравшись из окна, оказался на железной площадке пожарной лестницы.

Этажом ниже жила приятельница Глории, работавшая в аптеке по соседству с домом. Гарри знал, что в это время она на работе и в квартире у нее никого нет. Он спустился по железным ступенькам до окна в ее ванную. Оно было приоткрыто. Глянув вниз, в боковую аллею, убедился, что там никого нет, и влез в ванную. Затем втащил туда же чемодан и закрыл окно. Прощел через квартиру в прихожую, остановился у двери. Постояв с минуту, приподнял воротник плаща и глубоко надвинул шляпу на лоб. Затем открыл дверь и вышел на лестничную площадку.

В конце площадки была лестница, ведущая на верхний этаж. И там, привалясь к стене, стоял толстый коротышка в шинельного типа пальто и черной шляпе, с сигаретой в зубах.

– Эй, приятель! – окликнул он Гарри, когда тот начал спускаться по лестнице. – Постой минутку!

Гарри остановился. Было темно, и он стоял вполоборота,

так что коротышка не мог как следует его разглядеть.

– Чего?

– Ты, случайно, не знаешь, мисс Дейн дома?

– Откуда мне знать? Подымись и спроси.

– Да я звонил, а там никто не отвечал. Она одна живет, не знаешь?

– Одна. – Гарри зашагал вниз. – Некогда мне, на поезд опаздываю. Спроси управляющего.

Коротышка чертыхнулся, а Гарри распахнул входную дверь и вышел на улицу. На углу замедлил шаг и обернулся. Не считая машины, припаркованной в сотне ярдах от дома, улица была абсолютно пуста.

Впереди показалось такси, и Гарри поднял руку.

– Вестерн и Леннокс, – сказал он, – и поскорее.

Он посмотрел через заднее стекло, но не заметил, чтобы кто-нибудь ехал за ними. На часах было ровно час пятнадцать, когда такси остановилось напротив газетного киоска.

Глория уже была там, и не успел Гарри выйти из машины, как она перебежала улицу и оказалась рядом с ним, на заднем сиденье.

– Куда? – спросил Гарри.

– На вокзал.

Водитель вопросительно посмотрел на Гарри, тот кивнул, и машина тронулась с места.

– Все в порядке? – спросила Глория.

Они молча сидели рядом, пока такси прокладывало путь в

густом потоке движения. Глория крепко сжимала руку Гарри и время от времени тревожно поглядывала на него.

Доехав до вокзала, они расплатились с таксистом и прошли в буфет.

Глория направилась к свободному столику в углу, Гарри, взяв две чашки кофе, присоединился к ней.

– Твой приятель даром времени не теряет. – И он пере­сказал ей все, что произошло. – Не знаю, как ты теперь по­падешь домой. Дверь изнутри заперта на задвижку. Придет­ся, наверное, подождать, когда придет с работы Дорис, и по­пробовать влезть через окно в ванной.

Глория покачала головой:

– Домой я не вернусь. Это опасно, Гарри. Нельзя все вре­мя полагаться на счастливый случай. Стоит мне вернуться, Бен приставит уже не одного, а несколько человек, и вряд ли мне удастся избавиться от слежки. Сегодня мне просто повезло. В универмаге я зашла в туалет. Там оказалась вто­рая дверь – в служебное помещение. Но в следующий раз это не пройдет. Я тоже еду в Нью-Йорк. Но не вместе с тобой. Встретимся, как договорились, в пятницу в «Асторе».

– Но у тебя даже вещей с собой нет!

Она пожала плечами:

– Все можно купить в Нью-Йорке. – Она подалась вперед и положила руки на стол. – Ты должен быть очень осторожен, Гарри. Не верь Бену. Он теперь не тот, я едва его узнала. Он стал гораздо опаснее и безжалостнее.

– Что случилось?

Она коротко пересказала ему разговор с Беном.

– Что ж, прекрасно! Обо мне не беспокойся. Ты все сделала как надо, проложила мне путь. Остальное беру на себя.

– Не верь ему! – Глаза Глории были полны страха. – Постарайся получить деньги вперед. Не слушай никаких обещаний и не позволяй себя запугивать.

Он усмехнулся:

– Пусть только попробует. – Он допил кофе и взглянул на часы. – Самое время идти за билетами. Ты первая. Итак, до пятницы.

– Да. – Она подняла на него глаза. – Я буду скучать без тебя, Гарри.

– Ничего. Долго скучать не придется.

Она встала и положила руку ему на плечо:

– Будь осторожен, милый.

– Конечно.

Она шла мимо буфетной стойки к дверям, а он смотрел ей вслед. Прямая спина, легкая грациозная походка, длинные стройные ноги. «Чуть-чуть приодеть ее, – подумал он, – и смотрелась бы хоть куда!»

Его охватил прилив нежности к Глории. Она храбрая и умная – редкие качества для женщины.

Закурив сигарету, бросил спичку в блюдце и поднялся.

«Вот оно, наконец-то, – подумал он. – Наконец-то можно сказать, что начало положено. Если повезет, то через два-

дцать дней я стану обладателем пятидесяти тысяч!»

Если повезет...

III

Вечером шестнадцатого января у гостиницы Лэмсона, что на бульваре Шербурн-Уэст, остановилось такси. Водитель вышел и распахнул заднюю дверцу.

Весь день порывистый ветер гнал по небу низкие темные тучи. Лишь теперь он немного утих, и дождь, похожий в желтом свете уличных фонарей на тонкую металлическую сетку, сеял прямо и ровно. В канавах кипели мелкие ручейки, с навеса над витриной аптеки, что примыкала к гостинице, низвергался маленький водопад. Вода глухо барабанила по крыше такси.

Водитель хмуро посмотрел на мокрый блестящий асфальт, сплюнул, поднял глаза. Сквозь двойные стеклянные двери гостиницы тускло просачивался мутный желтоватый свет. К дверям вели шесть истертых грязных ступеней. Не часто доводилось ему возить клиентов к Лэмсону. Он даже не помнил, когда это было в последний раз. У людей, оставившихся в этой гостинице, не было денег на такси, они добирались сюда пешком или на автобусе. Это была самая дешевая и грязная гостиница в Лос-Анджелесе – место, куда забредали в поисках крыши над головой либо случайные прохожие, либо выпущенные из тюрьмы мелкие жулики.

Пассажира вышел, сунул в руку таксисту пятидолларовую бумажку и сказал каким-то странным сдавленным голосом:

– Сдачи не надо. Купи себе новую машину. Этой уже на свалку пора.

Таксист так удивился, что высунулся из машины по пояс. Он не рассчитывал получить на чай. Тем более столько. «Вот сумасшедший попался, ей-богу!»

Он оглядел высокую, грузную фигуру клиента в поношенном, полушинельного вида пальто и старой темно-коричневой шляпе. На вид ему было лет сорок пять. Полнеющий, хотя и крепко сложенный мужчина со светлыми встопорщенными усами и страшным глубоким шрамом, что тянулся от правого глаза к углу рта. Наверное, от этого шрама кожа на щеке была стянута, а веко правого глаза слегка опущено, что придавало лицу весьма зловещее выражение. В левой руке он держал потрепанный фибровый чемоданчик, в правой – толстую трость с резиновым набалдашником.

– Это все мне? – спросил таксист, тупо глядя на пятерку. – На счетчике доллар двадцать.

– Не нравится, – сказал клиент, – давай обратно! И можешь считать, плакали твои чаевые!

Голос его звучал странно и глухо, словно он что-то держал во рту.

«Может, он из тех, – подумал таксист, – у кого нёба нет?» Он знал, такие люди встречаются. А когда этот тип говорил, у него подворачивалась верхняя губа, обнажая ряд белых

блестящих зубов, сильно выступающих вперед, как у лошади. Казалось, они задирают губу и усы вверх, отчего его лицо принимало злобное, прямо-таки кровожадное выражение.

– Ладно, мне-то что, – пробормотал таксист. – Ваша воля, ваши деньги. – И торопливо сунул пятерку в карман. – Спасибо, сэр. – И, помолчав, нерешительно добавил: – Вы что, действительно хотите остановиться в этой дыре? Неподалеку есть одно местечко почище. И ненамного дороже. Да здесь клопы среди бела дня гуляют! Ни на минуту не оставят в покое. А зубы у них – чисто как у крокодила.

– Если не хочешь, чтобы я вдавил твое нюхало в затылок, – рявкнул клиент, – заткнись и не суй его не в свое дело!

Опираясь на палку и слегка прихрамывая, он пересек тротуар, поднялся по ступенькам и исчез за дверью.

Таксист хмуро смотрел ему вслед.

«Да, псих, конечно, – сделал он вывод. – Пять долларов, а сам приехал в такую дыру!» Он покачал головой, размышляя о странных пассажирах, которых доводилось ему возить по городу. Вот и еще один, для коллекции... Он выжал сцепление и поехал по улице.

Внутри гостиница Лэмсона имела еще более жалкий вид.

Три плетеных стула, пыльная пальма в тусклом медном горшке, дырявая циновка из кокосовых волокон да засиженное мухами зеркало – вот и вся обстановка холла. В воздухе витал застоялый запах пота, капустного супа и уборной. Слева от входа располагалась стойка, за которой восседал хозя-

ин гостиницы Лэмсон – толстяк в котелке, лихо сдвинутом на затылок, и в рубашке с короткими рукавами, выставленной на всеобщее обозрение волосатые, сплошь покрытые татуировкой руки.

Не сдвинувшись с места, Лэмсон осмотрел хромого. Острые маленькие глазки сразу отметили сильный загар на лице, шрам, торчащие усы и хромоту.

– Нужна комната, – сказал хромой и опустил чемодан на пол. – Самая лучшая. Сколько?

Лэмсон глянул через плечо на доску, где висели ключи, моментально произвел в уме какие-то вычисления, наконец решился и выпалил:

– Могу предложить тридцать второй номер. Обычно я никого туда не пускаю. Лучшая комната в отеле. Вам обойдется полтора доллара за ночь.

Хромой вынул бумажник, отделил десятидолларовую бумажку и бросил ее на стойку.

– За четыре дня.

Стараясь ничем не выдавать своего удивления, Лэмсон взял купюру, разгладил ее, осмотрел и, убедившись, что она не фальшивая, бережно сложил квадратиком и сунул в карман для часов. Затем извлек четыре потрепанные долларовые бумажки и неохотно положил их на стойку.

– Оставьте это в счет завтраков, – сказал хромой и отодвинул деньги. – Мне нужен сервис, я за него плачу.

– О’кей, мистер. Мы о вас позаботимся, – сказал Лэмсон

и быстро спрятал бумажки в карман. – Могу прямо сейчас предложить вам что-нибудь покушать, если желаете.

– Не желаю. Завтра в девять утра – тосты и кофе.

– Будет сделано. – Лэмсон извлек из-под стойки замызганную записную книжку. – Обязан просить вас расписаться здесь, сэр. Таковы правила.

Огрызком карандаша хромой что-то нацарапал в ней.

Лэмсон перевернул книжку к себе и посмотрел: там печатными буквами было выведено – ГАРРИ ГРИН. ПИТСБ.

– О'кей, мистер Грин, – сказал он. – Может, подать вам в комнату выпивку? Есть пиво, виски, джин.

Человек по имени Гарри Грин отрицательно покачал головой.

– Нет, но мне надо позвонить.

Лэмсон ткнул пальцем в сторону будки платного телефона-автомата, что находилась в дальнем углу:

– Вот там, пожалуйста, будьте любезны.

Хромой вошел в будку и плотно притворил за собой дверь. Набрал номер, подождал немного. Ответил женский голос:

– Резиденция мистера Делани. Кто у аппарата?

– Гарри Грин. Мистер Делани ждет моего звонка. Соедините, пожалуйста.

– Минутку...

Настала долгая пауза, затем послышался щелчок, и в трубке возник мужской голос:

– Делани слушает.

– Глория Дейн передала, что я могу позвонить вам, мистер Делани.

– Да, помню. Вы хотели поговорить со мной, не так ли? Подъезжайте сюда часикам к восьми. Могу уделить вам десять минут.

– Вы уверены, что мне стоит появляться у вас в доме? Я не уверен.

Пауза.

– Почему нет? – раздраженно произнес Бен. – Почему вы не уверены?

– Возможно, и вам, когда вы узнаете кое-какие подробности, эта идея покажется не столь уж здоровой. Мы могли бы побеседовать в машине, ну, скажем, где-нибудь у Западного пирса, где нас никто не увидит...

Снова пауза.

– Послушайте, Грин, – произнес наконец Бен ледяным от злобы голосом, – если вы понапрасну отнимаете у меня время... вы об этом пожалеете. Я такие шутки не прощаю!

– Я тоже. У меня есть что предложить. А ваше дело решать потом, стоило тратить время на то, чтобы выслушать меня, или нет.

– Тогда у Западного пирса в половине одиннадцатого! – рявкнул Бен и повесил трубку.

Еще довольно долго человек, который называл себя Гарри Грином, стоял в телефонной будке, сжав руки и уставившись

сквозь мутное, давно не мытое стекло куда-то в пространство. Им владели радость и тревога одновременно. «Сделан еще один шаг, – думал он. – Еще одна вежа пройдена. Через четыре дня я на аэродроме буду ждать ночного рейса в Сан-Франциско...» Он повесил трубку, распахнул дверь и захромал к стойке, возле которой оставил свой чемодан.

Лэмсон поднял глаза от газеты:

– Ваша комната на втором этаже, прямо у лестницы. Помочь с чемоданом?

– Справлюсь.

Он поднялся по ступенькам, прямо перед ним оказалась дверь с номером «32». Он отпер ее и вошел.

Большая комната. Двухспальная кровать с металлическими спинками, увенчанными тусклыми медными шишечками, стояла в углу. Потертый пыльный ковер. Напротив пустого камина – два кресла. Рядом с камином умывальник, на нем кувшин с водой, на поверхности которой плавала пыльная пленка. Над камином картина, написанная ядовитыми, как на почтовых открытках, красками – толстая женщина сидит у окна, чистит яблоко и смотрит куда-то вдаль, на холмы.

Напротив двери – большое, в рост человека, зеркало. Гарри, поставив чемодан и заперев дверь, подошел к нему.

«Вот уж поистине полное преобразование...» – подумал он.

Человек, который смотрел на него из зеркала, даже отдаленно не напоминал Гарри Гриффина. Мало шрама и круглой физиономии, фигура была совсем другая – сорокалетне-

го мужчины, склонного к полноте, над поясом даже прорисовывался круглый животик.

Не отходя от зеркала, Гарри снял шляпу и пальто. Светлые редяющие волосы – хитроумный парик из настоящих волос, прикрепленный к голове специальным спиртовым клеем. Шрам, что тянулся от правого глаза к углу рта, был сделан из полоски рыбьей кожи, покрытой коллодием. Усы, волосок к волоску, были «вращены» в верхнюю губу. Форму лица изменяли резиновые пластинки, державшиеся на деснах словно присоски. Выступающие вперед лошадиные зубы были надеты сверху на настоящие. Животик и широкие жирные плечи создавали специальные алюминиевые прокладки, которые надевались прямо на его голое тело. Хромоту обеспечивал ботинок с утолщенной подошвой.

Да, следует отдать Глории должное – она проделала серьезную работу. Теперь Гарри был уверен: никто, ни единая душа, даже самый близкий друг не узнает его.

Глория научила его снимать и надевать «шрам» и «усы». Грим предстояло носить четыре дня, а ведь ему надо бриться и умываться. Сперва он возражал против такой тщательной маскировки, но она все же настояла, и теперь, видя результат, он понимал ее правоту. Ему нечего бояться быть опознанным.

Гарри Гриффин умер. Перед ним стоял Гарри Грин – живой, реальный человек.

Сейчас все зависит от Делани. Глория не уставала твер-

дить, чтобы он не верил Бену. Гарри раздражало, что она захватила инициативу. «В конце концов, – думал он, – план-то мой. Да, конечно, следует признать, ее идея с гримом недурна, но почему бы теперь ей не отдать все дело целиком в мои руки?» Только потому, что ей так удался Гарри Грин, он терпел ее бесконечные ахи и вздохи, но ему смертельно хотелось обрести наконец независимость и действовать самому. Все эти ее бесконечные предупреждения и страхи действовали на нервы.

В начале одиннадцатого Гарри вышел из гостиницы в дождь и направился к автобусной остановке. Сел в автобус, следующий в сторону Америкэн-авеню, вышел на конечной остановке и двинулся к набережной.

На Западном пирсе было темно и безлюдно. Гарри укрылся под навесом. На часах десять двадцать пять. Он закурил, чувствуя, что нервы у него на пределе и сердце колотится как бешеное.

Без двадцати одиннадцать огромный, как крейсер, горчичного цвета «кадиллак» выплыл из тьмы и остановился у входа на пирс. «Машина Делани», – догадался он и зашагал к ней, прихрамывая и смутно различая очертания двух фигур на переднем сиденье и двух – на заднем.

Человек, сидевший впереди рядом с шофером, вышел. Высокий сутулый мужчина, по описанию Глории, тот самый, что водил ее по городу.

– Вы Гарри? – коротко спросил он.

– Да.

– О'кей, садитесь сзади. Покатаемся, пока вы будете говорить с боссом.

Он распахнул заднюю дверцу, и Гарри, нырнувший в машину, погрузился в невероятно мягкое сиденье с высокой спинкой. Бен Делани с сигарой в зубах слегка повернул к нему голову. Свет уличных фонарей был слишком тусклым, чтобы они могли разглядеть друг друга как следует, однако Гарри сразу узнал Делани по тонким усикам и особой манере держать голову слегка набок.

– Грин?

– Да. А вы, если не ошибаюсь, мистер Делани?

– Кто ж еще? – рявкнул Делани. – Поезжай, – обратился он к шоферу, – только медленно. Будем кататься, пока я не скажу «стоп». И подальше от центральных улиц. – Он слегка развернулся на сиденье, чтобы было удобней смотреть на Гарри. – Ну, что за предложение? Выкладывайте! Только живо. У меня есть занятия и поинтересней, чем кататься под дождем.

– Через четыре дня, – торопливо начал Гарри, – «Калифорниэн эйр транспорт корпорейшн» будет перевозить в Сан-Франциско партию промышленных алмазов на сумму три миллиона долларов. Я знаю, на каком самолете их повежут и как его захватить. Хочу продать эту идею вам. Для проведения операции нужны три человека и еще один с машиной. Одним из трех буду я, остальных, если мы договорим-

ся, предоставите вы. Я хочу за эту работу пятьдесят тысяч долларов. Все остальное – ваше. Вот такое предложение.

Какую-то секунду Бен был в замешательстве. Какая ту-пость и наглость! Требовать пятьдесят тысяч долларов! Да как только у него язык повернулся!

– Вы что, считаете, я совсем свихнулся – лезть в такое дело?! – вымолвил он наконец. – Камешки эти засвечены будь здоров как!

– А вот это – не моя забота, – ответил Гарри. – Мое дело их заполучить. А что с ними дальше будет, меня не касается. Не хотите, так и скажите, найду других людей. Я ценю свое время не меньше вашего.

Таггарт, сидящий впереди, обернулся и взглянул на Гарри. В темноте выражения его лица видно не было, но Гарри ощутил: отсюда исходит угроза. Однако Делани ничуть не смутил такой оборот в разговоре. Он всегда и сам предпочитал выкладывать все вот так, напрямую.

– Вы видели эти алмазы?

– Нет. Впрочем, в них нет ничего особенного. Обычные промышленные алмазы – то же, что наличные. Валюта... Просто их придется попридержать какое-то время, а потом потихоньку начать сбывать. Если делать это с умом, вы ничем не рискуете.

Делани знал, что Гарри прав. У него нашлись бы покупатели на промышленные алмазы, долго они не залежатся. Если все обстоит именно так, как уверяет этот тип, то можно

запросто выручить два миллиона, а то и два с половиной...

«Но кто он, этот тип?» Делани крайне не любил иметь дело с незнакомыми людьми. Несмотря на то что Глория представила его, а он доверял Глории, что-то ему здесь определенно не нравилось. Мысли его переключились на яхту. «Если дело выгорит, то найдутся средства, чтобы начать строительство. Тогда ровно через год я ее получу».

Им внезапно овладело жгучее нетерпение. «Какая разница, в конце концов, кто этот тип, лишь бы доставил камни!»

– Как вы их возьмете? Уведете фургон до того, как он упадет на аэродром?

– Нет, это невозможно. Бронированный автомобиль в сопровождении мотоциклетного эскорта. К ним и близко не подступишься. Нет. Я уведу самолет.

Бен замер. По тому, как Таггарт выпрямился на переднем сиденье, он понял, что тот тоже, мягко говоря, удивлен.

– Уведете самолет? Как вы это сделаете, скажите на милость?

– Это несложно. Вот почему дело – верняк. Я покупаю три билета на этот самолет. Там будут еще пассажиры. Немного – человек пятнадцать. Поэтому ни я, ни двое ваших людей особого внимания не привлекут. Взлетим, когда стемнеет. Полет занимает два часа. Сразу после взлета я иду в кабину пилота, отсекаю радиста от радио, отправляю команду в салон под присмотр ваших ребят. Затем сам сажусь за штурвал и сажаю самолет в пустыне. Там нас уже должна ждать

машина. Я передам алмазы, кому вы скажете, и все дела!

Бен откинулся на сиденье и погрузился в размышления. «Да, следует признать, план этого типа дерзок и прост. Дело может выгореть. Но все зависит от Грина. Если он потеряет самообладание, совершит хоть одну ошибку – все летит к чертям!»

– Вы умеете управлять самолетом? – спросил он.

– Разумеется, – нетерпеливо ответил Гарри. – Во время войны был пилотом.

– Вам придется сажать его в темноте. Вы об этом подумали?

– Слушайте, это не ваша забота! Я свое дело знаю. Как-нибудь сумею посадить, будьте спокойны. Конечно, лучше, если будет луна, но если нет – тоже не беда. Так вы берете камни или нет?

Бен вдруг обнаружил, что сигара его погасла. Такого с ним давно не случалось. Он выбросил ее в окно.

– Итак, еще раз ваши условия.

– Вы забираете камни, расплачиваетесь со своими людьми, а мне – пятьдесят тысяч.

– Это слишком много. Я, может, два года буду сидеть на этих камнях. Могу дать десять.

– Пятьдесят или ничего. Я рискую – вы нет. У полиции будет мой словесный портрет. Мне придется скрываться – вам нет. Вы с этого дела получите два миллиона, причем без всякого риска. Если вам кажется, что пятьдесят кусков мно-

го, скажите шоферу, чтобы остановил машину, и я уйду отсюда к чертовой матери!

– Тридцать? – предложил Бен, торгуясь скорее ради самого процесса торга. – Тридцать, и ни цента больше!

Гарри ощутил прилив торжества. Он знал, что Бен у него на крючке.

– Может, мне самому сказать шоферу – пусть остановит, а?

Бен позволил себе улыбнуться, пользуясь тем, что темно.

– О'кей, пятьдесят. Наличными, в обмен на камни.

– Нет, не пойдет. Мне нужно два чека за вашей подписью, по двадцать пять тысяч каждый. Я должен получить их днем, в день полета. Я должен знать, что с деньгами порядок, прежде чем сяду в самолет. Иначе я не играю.

У Таггарта лопнуло терпение.

– Одно ваше слово, босс, и я накостыляю этому поганцу... – повернувшись, воскликнул он.

– Заткнись! Не лезь не в свое дело! – Бен посмотрел на Гарри. – Деньги только после того, как будут алмазы, а не до!

– Нет! Почему я должен вам верить? – Гарри сжал кулаки. – Где гарантия, что один из ваших головорезов не выстрелит мне в спину, как раз когда я буду передавать камни? Деньги на мое имя должны лежать в банке перед тем, как я пойду на операцию, иначе я не согласен!

– Я найду способ уговорить вас пойти, – злобно прошипел Бен. – Я не позволю всякой там швали отдавать мне распо-

ряжения!

– Ну, валяйте, убеждайте! – Гарри чувствовал, что лицо его заливают пот, но он твердо решил стоять на своем. – Попробуйте убедить меня посадить самолет в темноте. Посмотрим, как это у вас получится! Меня нелегко запугать, Делани, и трудно переубедить!

Шофер резко нажал на тормоза, машина вильнула, а Таггарт развернулся всем корпусом. В руках его оказался пистолет. Он размахнулся и почти уже ударил Гарри дулом по лицу, как вдруг Бен бешено заорал:

– Прекратить! А тебе кто велел останавливаться?! Трогай машину! Таггарт, я же сказал тебе, скотина, не лезь!

Шофер пожал плечами, «кадиллак» тронулся с места. Таггарт повернулся, что-то ворча. Никто ни разу в их присутствии не осмеливался так говорить с шефом, да еще чтобы это вот так сходило с рук.

Однако Бен понимал, что сейчас хозяин положения – Гарри. И чем больше думал об этом плане, тем больше он нравился ему. Два миллиона чистой прибыли. Да пятьдесят кусков по сравнению с этим просто ничто!

– А где гарантия, что вы не обманете меня, когда получите деньги? – спросил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.